

A decorative border with intricate, symmetrical scrollwork and floral patterns, framing the central text.

Вильям Шекспир

**ГАМЛЕТ,
ПРИНЦ ДАТСКИЙ**

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛАВДИЙ, король датский.

ГАМЛЕТ, сын умершего короля и племянник Клавдия.

ФОРТИНБРАС, принц норвежский.

ГОРАЦИО, друг Гамлета.

ПОЛОНИЙ, советник Клавдия.

ЛАЭРТ, сын Полония.

ВОЛЬТИМАНД

КОРНЕЛИЙ

РОЗЕНКРАНЦ

ГИЛЬДЕНСТЕРН

ОЗРИК

ДВОРЯНИН

СВЯЩЕННИК

МАРЦЕЛЛ

БЕРНАРДО

ФРАНЦИСКО, солдат.

РЕЙНАЛЬДО, слуга Полония.

КАПИТАН.

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛЫ.

АКТЕРЫ.

ДВА МОГИЛЬЩИКА.

ГЕРТРУДА, королева датская.

ОФЕЛИЯ, дочь Полония.

ПРИЗРАК ОТЦА ГАМЛЕТА.

ЛОРДЫ, ЛЕДИ, ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ, МОРЯКИ, СЛУГИ.

} придворные.

} офицеры.

Место действия — Эльсинор.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Эльсинор. Площадка перед замком.

На посту ФРАНЦИСКО. *К нему подходит* БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО. Стой! Кто идет?

ФРАНЦИСКО. А ты кто будешь?

БЕРНАРДО. Слава королю!

ФРАНЦИСКО. Бернардо, ты?

БЕРНАРДО. Он самый.

ФРАНЦИСКО. Ровно полночь.

Ты точен, как всегда.

БЕРНАРДО. Ступай-ка спать.

ФРАНЦИСКО. Как хорошо, что ты не опоздал:

Мне холодно, и сердце не на месте.

БЕРНАРДО. Что, смена беспокойная?

ФРАНЦИСКО. Да нет.

И шороха мышиноного не слышал.

БЕРНАРДО. Ну что ж, ступай. А если по дороге

Тебе мой сменщик встретится, Марцелл, —

Поторопи, пожалуйста, его.

ФРАНЦИСКО. Вот, кажется, и он. — Стой! Кто идет?

Входят ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

ГОРАЦИО. Свои, свои.

МАРЦЕЛЛ. Короны датской слуги!

ФРАНЦИСКО. Ну, мне пора.

МАРЦЕЛЛ. Спокойной ночи, друг.

Кто на посту?

Принадлежал покойному владыке?
Во имя неба, требую, ответить!
МАРЦЕЛЛ. Он, кажется, обиделся!
БЕРНАРДО. Уходит!
ГОРАЦИО. Остановись! Я требую ответа!

(ПРИЗРАК уходит.)

МАРЦЕЛЛ. Явился молча — молча и пропал.
БЕРНАРДО. Что скажете, Горацио, теперь?

Да вы, гляжу, от ужаса бледны.

По-вашему, нам это все приснилось?

ГОРАЦИО. Простите Бога ради, что не верил.

Но правоту рассказа твоего

Я только что глазами ощутил.

МАРЦЕЛЛ. А на его величество похож?

ГОРАЦИО. Как ты — на отражение свое.

Он точно так же был вооружен,
Когда Норвежцу гонор сбил в бою;
И точно так же выглядел сурово,
Когда с Поляком вел переговоры
И гневно стукнул по льду бердышом.
Здесь тайна есть.

МАРЦЕЛЛ. При нас об эту пору

Два раза так он промаршировал.

ГОРАЦИО. Ума не приложу, что это значит,

Но, видимо, державу ожидает

Досель невиданное потрясенье.

МАРЦЕЛЛ. Наверное. Присядем, господа.

Кто может мне ответить, почему

Свирепствуют ночные патрули?

Зачем всю медь на пушки переводят,

А золото — на порох заграничный?

Зачем неделями, без выходных,

Потеют корабли? Как случилось,

Что в круглосуточную круговерть

Втянул нас труд тяжелый? Кто мне скажет?

ГОРАЦИО. Я. Но за достоверность не ручаюсь.

Должны вы знать, что бывший наш король,

Представший нынче в виде привиденья,

На поединок вызов получил

От короля норвежцев Фортинбраса,

Самоуверенного гордеца.

Условия такие огласили:

Норвежец ставил на кон королевство,
А наш достойный государь — свое,
И тот, кто побеждал в единоборстве,
Удваивал владения свои
За счет того, кто будет побежден.
Так старший Гамлет — признанный боец, —
Убив Норвежца, взял его страну,
Во исполнение пунктов договора.
Но сын Норвежца, юный Фортинбрас,
Горячий, как расплавленный металл,
Чуть ли не всю Норвегию обрыскал
И понабрал таких сорвиголов,
По ком веревка плачет, кто способен
За хлеб и воду горло перегрызть.
И с этим сбродом хочет Фортинбрас
Вернуть назад — чего он не скрывает —
Посредством силы собственные земли,
Каких он был в младенчестве лишен.
Вот почему суровы патрули;
Вот по какой причине, полагаю,
Кипит у нас работа день и ночь;
Вот отчего страну так лихорадит.

БЕРНАРДО. Наверно, это правда. Не случайно
Зловещей тенью бродит государь,
Похожий на того, кто был причастен
К возникновенью этой кутерьмы.

ГОРАЦИО. Такое может разум ослепить.
Взять, например, величественный Рим.
Там, накануне Цезаревой смерти,
Своих жильцов извергнули гробы;
На улицах спеленатые трупы,
Гремя костями, дико завывали;
Кровавый дождь струился с высоты;
Тянулся за кометой шлейф огня;
Кипело солнце; словно в судный день,
Светилось тускло влажное светило,
Царящее в империи Нептуна.
И ныне то же: предзнаменование,
Ужасное предвестие судьбы,
Грядущих бед пророческий пролог
Предпосылают небо и земля
И нашему народу через нас.

ПРИЗРАК *возвращается.*

Смотрите! Он вернулся! Будь что будет,
Но я к нему приближусь! — Дух, замри!
О, если ты способен говорить,
Скажи хоть слово мне!
Быть может, должен сделать я добро,
Чтоб ты обрел покой, а я спасенье,
Скажи, скажи!
Быть может, утрашен судьбой страны,
Пришел ты, чтобы нас предупредить,
Скажи мне! О скажи!
Быть может, деньги, залитые кровью,
Ты спрятал здесь, — а там, как говорят,
Вам, призракам, нет места из-за них, —
Скажи, скажи, скажи, скажи, скажи!

Поет петух.

Остановись! Лови его, Марцелл!
МАРЦЕЛЛ. Ударить топором?
ГОРАЦИО. Бей чем угодно,
Но удержи!
БЕРНАРДО. Идет!
ГОРАЦИО. Идет!

(ПРИЗРАК уходит.)

МАРЦЕЛЛ. Ушел!
Мы явно оплошали, господа,
Набросившись на призрак величавый.
Смешно и глупо драться было с ним:
Он, как эфир, для нас неуязвим.
БЕРНАРДО. Он было начал речь — запел петух.
ГОРАЦИО. И сразу, как преступник уличенный,
Исчез он. Говорят, что, услышав
Крикливый клич горластого певца,
Встает от сна дневное божество,
А призрак неприкаянный спешит
Прервать ночное бдение и скрыться —
В которой бы из четырех стихий
Призыв петуший духа не застиг.
Теперь мы знаем: верен этот слух.
МАРЦЕЛЛ. Петух запел — растаяло виденье.
Толкуют люди, что один раз в год,
На Рождество Спасителя, в сочельник,

Всю ночь горланит утренняя птица.
Такая ночь безвредна, говорят:
Бездействуют зловещие планеты,
Не в состоянье призраки бродить
И нечисть колдовать перестает —
Такая в эту пору благодать.

ГОРАЦИО. Что ж, очень может быть. А вот и утро,
В своей багряной мантии, с востока,
Скользит с горы на гору по росе.
Закончилось дежурство. Я считаю,
Что принцу все должны мы рассказать.
Клянусь вам жизнью, Гамлету удастся
Разговорить немое привиденье.
А вы как полагаете: исполнить
Веленье чести, долга и любви?

МАРЦЕЛЛ. Что за вопрос! Идемте. Мне известно,
Где можно утром принца отыскать.

(Уходят.)

Сцена вторая

Приемный зал в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТ, ПОЛОНИЙ, ЛАЭРТ,
ВОЛЬТИМАНД, КОРНЕЛИЙ, ЛОРДЫ и СЛУГИ.

КОРОЛЬ. Хотя о брате нашем дорогом,
Почившем в Бозе, память не остыла,
И мы, благопристойность соблюдая,
Должны в тоске сердечной пребывать,
А нашим верноподданным пристало
От общего несчастья помрачнеть, —
Но дух так скоро тело одолел,
Что наша грусть, разумная, по брате
Нам не дала забыть и о себе.
И вот мы с нашей вдовой сестрой,
Законною наследницей престола,
Смеясь, как говорится, через силу,
Рыдая и от скорби, и от счастья,
Подняв бокал за здравие на тризне,

На свадьбе — осушив за упокой,
Разбавив, так сказать, тоскою радость, —
Вступили в брак и всех благодарим,
Кто поддержал нас в этом. Во-вторых,
Как вам известно, юный Фортинбрас,
О славе ратной грезя наяву,
Решил, видать, что после смерти брата
В стране у нас царит неразбериха,
Иль нашу доблесть низко оценил, —
Но нас он в письмах нагло вынуждает
Убраться из владений, каковые
Отторгнул честно у его отца
Достойный Гамлет, брат наш. Вот и все.
Теперь о том, что мы предпринимаем.
Мы шлем Норвежцу, дяде Фортинбраса,
Прикованному старостью к постели,
Не знающему, видно, что затеял
Его племянник, — это вот письмо,
В котором предлагаем старику
Унять юнца, поскольку нужды войска
Норвегию способны разорить.
Корнелий, вы, и, вы, мой Вольтиманд,
Письмо и пожелание здоровья
Передадите старцу. Мы даем
Вам столько полномочий, сколько есть
В известных вам статьях. Итак, вперед.
Помножьте ваше рвение на скорость.
КОРНЕЛИЙ и ВОЛЬТИМАНД.
Нам рвенья, государь, не занимать.
КОРОЛЬ. Мы так и полагали. До свиданья.

(КОРНЕЛИЙ и ВОЛЬТИМАНД уходят.)

А вы, Лаэрт, с какою целью здесь?
У вас, наверно, просьба к нам, Лаэрт?
Когда она разумна, ваш король
Ее немедля удовлетворит.
Припомните, Лаэрт, какое ваше
Желанье нами не предупреждалось?
Трон Дании без твоего отца —
Как рот проголодавшийся без рук,
Как тело с головою, но без сердца.
О чем ты просишь?

ЛАЭРТ.

Добрый государь!

Позвольте мне во Францию вернуться.
Приехал из Парижа я затем,
Чтоб новому монарху присягнуть.
Но долг отдав — чего греха таить! —
Я всей душой во Францию стремлюсь.
Покорнейше прошу вас: отпустите.

КОРОЛЬ. Отца спросил? Что скажете, Полоний?

ПОЛОНИЙ. Ох, государь, назойливость Лаэрта
Не знает меры. Я и уступил —
Чтоб только отвязаться от него.
Пускай он едет, если вы не против.

КОРОЛЬ. Счастливый путь, Лаэрт! Ты благороден
И время не убьешь на пустяки.
А вы, принц Гамлет, родственник и сын...

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Ну нет, скорее родственник, чем сын.

КОРОЛЬ. Вы до сих пор скрываетесь в тени?

ГАМЛЕТ. Что делать — если солнце мне вредит!

КОРОЛЕВА. Зачем так мрачно, Гамлет? Что за тон?
Будь с новым государем полубезней.
Нельзя же век по кладбищу бродить,
Отца родного в мыслях воскрешая.
Таков закон природы: мы живем,
Чтобы потом забыться вечным сном.

ГАМЛЕТ. Да, мой отец забылся вечным сном.

КОРОЛЕВА. Что ж кажется тебе чудного в том?

ГАМЛЕТ. Ах, кажется! Я вижу то, что есть.
Мне ничего не кажется, мадам.
Вы думаете, мой зловещий плащ
Или костюм, чернильного черней,
Иль судорожно-сдавленные вздохи,
Потоки слез, печальное лицо,
Десятки прочих признаков тоски
Рассказывают правду обо мне?
Вам это только кажется, поверьте.
Любой сыграть способен эту роль.
Моя печаль во мне затаена,
А той, нарядной скорби — грош цена.

КОРОЛЬ. Похвально, Гамлет, вы не бессердечны.
Оплакивать отца — сыновний долг.
А ваш отец оплакал своего,
Тот — своего. Приличествует сыну
Печалиться по милому отцу.
Но сколько можно? Это святотатство —
С таким упорством скорби предаваться.

Мужчина так не должен горевать:
Роптать на Бога, то есть проявлять
Болезнь души, затмение ума,
Неопытность и детскую наивность.
Коль скоро нечто с нами происходит
Помимо нашей воли, для чего
Брюзгливым неприятием терзать
Себя так долго? Стыдно. Это грех
Перед Творцом и тварями его.
Уму непостижимый грех — ведь ум
Привык к словам «Бог дал и Бог забрал»,
Над первым мертвецом произнесенных
Иль над последним — смертны и отцы.
Вам надо сбросить с плеч печали груз
И короля назвать вторым отцом.
Пусть знают все: наследник вы и нами
Обласканы с не меньшею любовью,
Чем та, какою сына окружает
Родной отец. А вот стремление ваше —
Возобновить ученье в Виттенберге —
Не вызвало в нас воодушевления.
Пожалуйста, решение отмените,
Останьтесь, и утешен будет нами
Наш фаворит, наш родственник и сын.

КОРОЛЕВА. Ты, Гамлет, мать не огорчишь отказом.

Не ездь в Виттенберг. Я так хочу.

ГАМЛЕТ. Сударыня, я мать не огорчу.

КОРОЛЬ. Ответ, достойный любящего сына.

Вы в Дании хозяин, а не гость.

Идемте, госпожа. Наш милый сын

Нам уступил. Отметим это пиром.

Сегодня ночью пушка возвестит

О каждой чаше, выпитой монархом,

И грохотом разбуженное небо

Вернет земле раскаты. До свиданья.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

ГАМЛЕТ. О, если б этой слишком крепкой плоти

Рассыпаться, растаять, испариться!

О если б не Предвечный, не закон,

Карающий самоубийцу! Боже!

Как болен, гадок, скучен и нелеп

Твой бренный мир! Глаза бы не глядели!

Ужасно! Поле, тучное когда-то,
Родит не рожь, а плевелы плодит:
Вся нива в сорняках. Так низко пасть!
Два месяца, нет, меньше двух, как умер
Король великий. Как он мать любил!
Дохнуть не смели ветры на нее,
Когда он жив был. Небо и земля!
Жена тянулась к мужу, словно рос
У ней от насыщенья аппетит.
А тридцать дней спустя... С ума сойти!
Любить сатира после Аполлона!
Предательство, зовешься ты женой!
Какой-то месяц! В тех же башмаках,
В каких брела, супруга провожая,
Слезам, как Ниоба, исходя —
О Господи! Собака бы и то
От горя выла б дольше над могилой! —
Сошлась с отцовым братом, с королем,
Похожим на отца и короля,
Как я — на Геркулеса. Тридцать дней!
Хотя еще красны от горьких слез
Глаза вдовы — вновь замужем она.
От похоти греховной содрогаясь,
На ложе кровосмесном возлежать!
Нет, это все не кончится добром.
Но, сердце, рвись: приходится молчать.

Входят ГОРАЦИО, МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО.

ГОРАЦИО. Светлейший принц!

ГАМЛЕТ.

Глазам своим не верю!

Горацио! Вы, часом, не больны?

ГОРАЦИО. Здоров, милорд, и вам готов служить.

ГАМЛЕТ. Вы — мне, я — вам, поскольку мы друзья.

Но чем же надоел вам Виттенберг? —

Я знаю, вы — Бернардо, вы — Марцелл.

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО.

Так точно, принц.

ГАМЛЕТ.

Я рад вам. Добрый вечер.

Так чем вам опротивел Виттенберг?

ГОРАЦИО. Моею ленью собственной, милорд.

ГАМЛЕТ. Вас так не оболгали б и враги,

И вам друзей не следует морочить

Неправдою о собственной персоне.

Мне ль вас не знать? Однако берегитесь:
Вы с нами тут сопьетесь невзначай.

Что, дело привело вас в Эльсинор?

ГОРАЦИО. Нет, похороны вашего отца.

ГАМЛЕТ. Да вы смеетесь, мой ученый друг!

Скорее — свадьба матери моей.

ГОРАЦИО. Да, первое совпало со вторым.

ГАМЛЕТ. Расчет, Горацио, прямой расчет

Доесть на свадьбе ужин поминальный!

Я, видя это пиршество, жалел,

Что не в аду я, в обществе врага.

Отец! Он как живой передо мною.

ГОРАЦИО. Где?!

ГАМЛЕТ. В отражение памяти моей.

ГОРАЦИО. Я знал его: великий был король!

ГАМЛЕТ. Король великий был и — человек.

Таких теперь не сыщешь днем с огнем.

ГОРАЦИО. Он, кажется, сегодня приходил.

ГАМЛЕТ. Кто приходил, простите?

ГОРАЦИО.

Ваш отец.

Король покойный.

ГАМЛЕТ.

Мой отец? Покойный?

ГОРАЦИО. Повремените удивляться, принц,

Позвольте рассказать о привиденье.

Порукою мне эти господа.

ГАМЛЕТ. Я Богом заклинаю, говорите!

ГОРАЦИО. Уже две ночи этим господам,

Бернардо и Марцеллу, в карауле,

Часов в двенадцать видеть довелось,

Как, вынырнув из мертвой бездны, нечто,

Похожее на вашего отца,

Закованное полностью в броню,

Прошествовало трижды мимо них

Не далее протянутой руки;

Они ж, не в силах вымолвить ни слова,

За ним следили, выпучив глаза,

И, как желе, от ужаса тряслись.

Когда от них узнал я обо всем,

Конечно, не поверил, но сегодня

Я видел сам, как появлялась тень.

Прекрасно знал я вашего отца:

Ваш батюшка и призрак больше схожи,

Чем эти руки.

ГАМЛЕТ.

Где все это было?

МАРЦЕЛЛ. Где пост наш, на площадке орудийной.

ГАМЛЕТ. Вы с ним заговорили?

ГОРАЦИО. Да, милорд.

Но он молчал. Однако был момент,
Когда он головой движенье сделал,
Как если бы хотел заговорить.
Но тут запел петух, и дух в испуге
Отпрянул прочь и прямо на глазах
Растаял в темноте.

ГАМЛЕТ. Невероятно!

ГОРАЦИО. На плаху лягу, если это ложь!

И мы сочли, что не имеем права
Об этом вам, милорд, не рассказать.

ГАМЛЕТ. Я верю вам. Но мне не по себе.

Сегодня ваша смена?

МАРЦЕЛЛ. Да, моя.

ГАМЛЕТ. Он был в броне?

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Так точно.

ГАМЛЕТ. Целиком?

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. И полностью.

ГАМЛЕТ. Лицо вы разглядели?

ГОРАЦИО. Забрало было поднято, милорд.

ГАМЛЕТ. И как смотрел он? Гневно?

ГОРАЦИО. Не сказал бы.

Скорей, милорд, печально.

ГАМЛЕТ. Был он бледен?

ГОРАЦИО. Да, бледен.

ГАМЛЕТ. И навел глаза на вас?

ГОРАЦИО. Смотрел в упор.

ГАМЛЕТ. Хотел бы я быть с вами!

ГОРАЦИО. Милорд, вы были бы потрясены.

ГАМЛЕТ. Наверно. И как долго это длилось?

ГОРАЦИО. Спокойно можно было бы сосчитать

До ста.

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Нет, дольше.

ГОРАЦИО. Это без меня.

ГАМЛЕТ. Сед бороною?

ГОРАЦИО. Серебристо-черен —

Как и тогда, когда он был в живых.

ГАМЛЕТ. Я к вам приду сегодня. Вдруг виденье

Пожалует еще раз.

ГОРАЦИО. Убежден.

ГАМЛЕТ. И если снова в облике отца,

Я спрошу его — и пусть посмеет

Мне адово отродье помешать.
Но раз уж до сих пор, друзья мои,
Молчали про увиденное вы,
Теперь тем более не проболтайтесь.
И все, что ночью ни произойдет,
Рассудку вверьте, а не языку.
Ну, а за мной не пропадет. Прощайте.
Я около двенадцати приду.

ВСЕ. Почтение, принц.

ГАМЛЕТ. Предпочитаю дружбу,
И пусть взаимной будет. До свиданья.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

Отцова тень. Подвох какой-то. Скверно.
Скорей бы ночь! Спокойнее, душа:
Ведь сколько черных дел ни хорони,
Хоть из-под плит, но выползут они.

(Уходит.)

Сцена третья

Комната в доме Полония.

Входят ЛАЭРТ и ОФЕЛИЯ.

ЛАЭРТ. Багаж мой на борту. Давай прощаться.
А если вдруг представится возможность
Послать с попутным судном письмецо, —
Сестра, не прозеваешь?

ОФЕЛИЯ. Как ты можешь!

ЛАЭРТ. А прихоть принца я могу назвать
Игрой в любовь; горячкою в крови;
Фиалкой нежной — первенцем весны,
Неосторожным и недолговечным;
Непрочным ароматом — вот и все.

ОФЕЛИЯ. Ты так считаешь?

ЛАЭРТ. Так и ты считай.

Растет не только тело человека, —

Нет, в этом храме силою природы
Растет работа мысли и души.
Допустим, принц в тебя сейчас влюблен
И не имеет грязных побуждений.
Но вспомни о его происхожденье
И берегись. Себе он не хозяин.
Своим рождением связан по рукам,
По вкусу он, как мы, не выбирает,
Но должен, избирая, помышлять
О пользе государства, хлопотать
Об организме, коего он мозг.
А если он в любви тебе клянется,
Мудрей всего — ему не доверять,
Пока его высочество делами
Речей не подкрепит — и то не раньше,
Чем Дания на это согласится.
А честь твоя? Что будет, если ты
Начнешь плясать под дудочку его,
Забудешься, сокровище свое
Задаром вымогателю отдашь?
Офелия, сестрица, опасайся.
К такой любви спиною повернись.
Беги от стрел коварного божка.
От девушки убудет, если месяц
Увидит ночью прелести ее.
Наветы очерняют и чистоту.
Случается, что черви поедают
Еще не распутившийся цветок.
В густом тумане утренней зари
Губительней влияние заразы.
Страшись. Порою зло не во врагах,
А в том, что мы с собою не в ладах.

ОФЕЛИЯ. Уздою наставленья твоего
Смирю я сердце. Но мой строгий брат
Случайно не двуличный проповедник,
Что всем твердит об истинном пути,
А сам, исполнен всяческих пороков,
Срывает первоцвет в саду утех,
Наперекор своим увещеваньям?

ЛАЭРТ. За брата своего не беспокойся.
Однако мне давно пора идти.

Входит ПОЛОНИЙ.

Мне выпала двойная благодать:
Благословиться дважды на прощанье.

ПОЛОНИЙ. Чего ты ждешь, Лаэрт? Тебе не стыдно?

Оседланы уж ветром паруса,
А ты все здесь, а не на корабле.
Ну, хорошо, прими благословенье
И намотай на ус мои слова.
Старайся о намереньях своих
Помалкивать, а глупостей не делать.
В своем кругу приветливо держись.
Тех из друзей приковывай к себе,
Кто испытанье выдержал твое,
А не ходи в обнимку с первым встречным.
Раздоров постарайся избегать,
Но если что, давай такой отпор,
Чтоб избегали ссориться с тобой.
Поменьше говори, побольше слушай.
Не сплетничай, но сплетен не страшись.
Не экономь на платье: одевайся
Роскошно, но со вкусом, без причуд.
Во Франции на этом, как нигде,
Помешаны, и не одни дворяне.
В займы и не бери, и не давай:
Ни денег, ни друзей не соберешь,
А вот расчет хозяйственный притупишь.
Но что важнее всего: себе не лги,
И как за ночью следует рассвет,
Не сможешь ты и ближнему солгать.
Прощай! И пусть моим благословеньем
В тебе советы эти прорастут.

ЛАЭРТ. Позвольте мне откланяться, отец.

ПОЛОНИЙ. Ступай. Тебя, наверно, заждались.

ЛАЭРТ. Офелия, сестра, до скорой встречи.

Почаще вспоминай наш разговор.

ОФЕЛИЯ. Ты в памяти моей его замкнул,

А ключ себе оставил.

ЛАЭРТ.

До свиданья.

(Уходит.)

ПОЛОНИЙ. Офелия, о чем вы говорили?

ОФЕЛИЯ. О Гамлете, коль будет вам угодно.

ПОЛОНИЙ. О Гамлете? Какое совпадение!

Мне донесли, что с некоторых пор

Он стал с тобою время проводить,
И ты его отнюдь не избегаешь.
Но если это верно — а меня
Предупредили сведущие люди, —
Позволь сказать, что ты не представляешь,
Как дочь моя должна себя вести.
Что говорил тебе он? Отвечай.

ОФЕЛИЯ. Мне знаки своего расположения
Оказывал милорд.

ПОЛОНИЙ. Расположенья?
Черт побери! Ты зелена еще,
Чтоб в этом смыслить. Или ты всерьез
Его — как, бишь, их? — знаки приняла?

ОФЕЛИЯ. Теперь я ничего не понимаю.

ПОЛОНИЙ. Не понимаешь, — так спроси отца.
Ребенок ты, которому всучили
Фальшивый грош. Не просчитайся впредь.
Иначе, право слово, мы с тобой
Окажемся в дурацком положении.

ОФЕЛИЯ. Отец, он изъяснялся мне в любви
В отборных выраженьях.

ПОЛОНИЙ. Ах, в отборных!
Могу себе представить. Продолжай.

ОФЕЛИЯ. А также — в доказательство признаний —
Священные обеты приводил.

ПОЛОНИЙ. Так ловят птичек. Можешь мне поверить,
Когда пылает кровь, то с языка
Летят одни священные обеты.
Костром такие искры не считай,
Ни холодно, ни жарко от которых:
Едва сверкнув, умрут они. В дальнейшем
Скупей дари свиданьями его;
Пусть у тебя валяется в ногах.
Нет, верить принцу верь — но лишь в одном:
Что юноша не девушка и может
В любви зайти довольно далеко.
Короче говоря, не доверяй
Его обетам — хитрым торгашам,
Которые комедию ломают,
Намеренья нечистые скрывая
Под маской честности и доброты,
А сами надувают. И еще.
С сегодняшнего дня ты не должна
Своим досугом злоупотреблять,

Болтая с принцем. Это мой приказ.
Смотри же, я тебя предупредил.
ОФЕЛИЯ. Дочерний долг — отцу повиноваться.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Площадка перед замком.

Входят ГАМЛЕТ, ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

ГАМЛЕТ. Как жалит ветер! Я окоченел.

ГОРАЦИО. Немудрено — на таком ветру.

ГАМЛЕТ. Еще не полночь?

ГОРАЦИО. Около того.

МАРЦЕЛЛ. Нет, первый час.

ГОРАЦИО. Выходит, я проспал.

Но этот самый час для посещений

И выбрал дух.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Милорд, что это значит?

ГАМЛЕТ. Ночная оргия у короля.

В подпитии отплясывает он.

И лишь с рейнвейном чашу опрокинет,

Как славят пушки, трубы и литавры

Его победу.

ГОРАЦИО. Это ваш обычай?

ГАМЛЕТ. Представь себе, обычай. Но хотя

Он с детства мне известен, я считаю,

Что мало чести следовать ему.

Мы — притча во языцах за свое

Хмельное буйство. Называют нас

Пропойцами, честят и непечатно.

И в самом деле, наше винопийство

Уничтожает напрочь всякий смысл

Деяний наших — даже величайших.

К примеру, если кто-нибудь имеет

Наследственный изъяз, — тут нет вины:
Никто да и ничто на этом свете
Само себя не в силах сотворить, —
Допустим, слишком вспыльчивый характер,
Границы разума переходящий,
Или такую вредную привычку,
Что многих раздражает, — если кто
Хотя бы в чем-нибудь несовершенен,
По воле случая или природы,
Будь он святым — насколько человек
Способен быть им, — злые языки
За мелкий грех его не пощадят.
Так ложка дегтя портит бочку меда;
Так от глотка вина страдает честь.

Входит ПРИЗРАК.

ГОРАЦИО. Принц, обернитесь! Посмотрите: вот он!
ГАМЛЕТ. Обороните, ангелы небес!

Злой дух ты, порожденный вздохом бездны,
Иль выдохнутый небом добрый дух,
Беду иль благо твой приход сулит —
Хотя и подозрителен твой облик, —
С тобою, как с отцом, я говорю.
Владыка датский, сыну отвечай!
Не убивай неведением его!
Зачем твои останки, сбросив саван,
Наружу выбрались из-под земли?
Зачем, разинув мраморную пасть,
Тебя извергнул склеп, в котором ты,
Казалось бы, навеки опочил?
Наш слабый ум не в силах уяснить,
Как ты, покойник, в латах, возмутил
Ночной покой, явился в лунных бликах
И нас потряс до глубины души
Виденьем, не доступным пониманью?
Что это? Почему? Чего ты хочешь?

ПРИЗРАК *манит* ГАМЛЕТА.

ГОРАЦИО. Он вас зовет и, кажется, не прочь
Наедине, без нас поговорить.

МАРЦЕЛЛ. Смотрите, он во что бы то ни стало

К себе, милорд, вас хочет подманить.

Но вы не поддавайтесь.

ГОРАЦИО. Не дай Бог!

ГАМЛЕТ. При вас он будет нем. Я подойду.

ГОРАЦИО. Милорд, опасно.

ГАМЛЕТ. Чем? Чем я рискую?

По мне, так жизнь не стоит и булавки.

А как моей душе бессмертной может

Бессмертный этот призрак навредить?

Опять зовет. Я должен подойти.

ГОРАЦИО. А если заведет он вас на кручу,

Стоящую на берегу морском,

И чем-нибудь внезапно ужаснет

И мозг в безумье вгонит, чтобы вы,

Себя не помня, бросились в пучину?

И без того заходит ум за разум

У нас от высоты, когда под нами

Беснуются бесчисленные волны,

С рычаньем разбиваясь об утес.

ГАМЛЕТ. Он машет мне! — Иди! Я — за тобой!

МАРЦЕЛЛ. Нельзя идти, милорд!

ГАМЛЕТ. Подите прочь!

ГОРАЦИО. Остановитесь!

ГАМЛЕТ. Это — провиденье!

И в мышцах у меня такая мощь,

Как будто лев я, а не человек.

ПРИЗРАК *манит* ГАМЛЕТА.

Он машет мне! Отстаньте, я сказал!

Пустите — или в духов превращу!

Ступай вперед! Я — следом за тобой.

(ПРИЗРАК и ГАМЛЕТ *уходят*.)

ГОРАЦИО. Он просто невменяем.

МАРЦЕЛЛ. Да, пожалуй.

Но мы его не бросим, господа.

ГОРАЦИО. Само собой. — Чем это обернется?

МАРЦЕЛЛ. Да, государство датское смердит.

ГОРАЦИО. Господь его спаси!

МАРЦЕЛЛ. Идемте к принцу.

(*Уходят*.)

Сцена пятая

Другая часть площадки.

Входят ПРИЗРАК и ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Я более не сделаю ни шагу.

Здесь говори!

ПРИЗРАК. Ну, слушай.

ГАМЛЕТ. Я готов.

ПРИЗРАК. И часу не пройдет, как буду я

Опять в огне чистилища гореть.

ГАМЛЕТ. Мне жаль тебя.

ПРИЗРАК. Ты не перебивай,

А слушай со вниманьем, если хочешь

Узнать про все.

ГАМЛЕТ. Я должен все узнать.

ПРИЗРАК. И отомстить, когда узнаешь все.

ГАМЛЕТ. Что ты сказал?

ПРИЗРАК. Дух твоего несчастного отца,

Я обречен до той поры блуждать

Из ночи в ночь и день за днем стенать,

Покуда не очищусь от грехов

Прижизненных в огне. Но разглашать

Запрещено мне тайны преисподней.

А то б я в двух словах сумел тебе

Изранить сердце, выморозить кровь,

Глаза твои, как звезды, погасить,

Взъерошенную вздыбить шевелюру,

Чтоб походили волосы твои

На иглы бешеного дикобраза.

Но вечности секреты — не для смертных.

О слушай, слушай, слушай! Если ты

Отца любил воистину...

ГАМЛЕТ. О Боже!

ПРИЗРАК. Его убийце отомсти!

ГАМЛЕТ. Убийце?

ПРИЗРАК. Убийцы — это изверги природы,

Но этот изверг — дьявол во плоти.

ГАМЛЕТ. О продолжай! Чтоб с быстротою ветра,

Быстрее пылкой мысли и мечты

Летел я к мести.

ПРИЗРАК. Ждал я этих слов.

Но ты б осокой был, гниющей в тине
Летейских вод, когда б не запыхал.
Так слушай, сын мой. Был распущен слух,
Что я дремал в саду и от укуса
Змеиноного скончался. Мой народ
Неправдою преступно оскорбили.
Но знай, мой милый Гамлет, что змея,
Ужалившая твоего отца,
Вползла на трон его.

ГАМЛЕТ. Я это знал!

Я чувствовал! Мой дядя!

ПРИЗРАК. Да, мой брат.

Кровосмеситель, похотливый скот,
Игрою извращенного ума,
Способного любого развратить, —
Ужасен ум в способности такой! —
Умело совративший королеву,
Мою притворно-верную жену.
Как низка пала, Гамлет, мать твоя!
Низвергнуться с высот моей любви,
Сопутствовавшей брачному обету,
Что я хранил до гроба, — и ласкать
Природой обделенного подонка,
Бездарного в сравнении со мной.
Но как не пошатнется чистота,
Хоть в херувима вырядись порок,
Так блуду и небесные улады
И ангел во плоти надоедят —
И в грязь нырнуть захочется. Но тише!
Повеяло дыханием зари.
Потороплюсь. В тот злополучный день,
Когда дремал я в парке королевском,
Меня подкараулил дядя твой
С пробиркой, полной сока белены,
И влил мне в ухо пагубный раствор,
Несовместимый с кровью человека,
Врывающийся с быстротою ртути
В естественный телесный лабиринт
И превращающий живую кровь
В какое-то подобье творога.
Примерно так от капли кислоты
Горячее скисает молоко.
Со мною то же самое случилось.

Молниеносно, с головы до ног
Зудящую и гнойною экземой
Я, как проказой Лазарь, был изрыт.
Так у родного брата брат родной
Похитил жизнь, супругу и престол.
Я был убит в соцветии грехов,
Под корень срезан, вызван на допрос,
Не рассчитавшись с жизнью, без причастья,
Без исповеди, без духовника,
С душою неочищенной. О ужас!
О ужас, ужас! Если ты мне сын,
Потатчиком не будь, не позволяя
Греховной смесью блуда и инцеста
Позорить ложе датских королей.
Но помни: что бы ни предпринял ты,
Не трогай мать ни словом, ни поступком.
Пускай ее карают небеса
И колют в сердце острые шипы.
Но мне пора обратно. Светляки,
Суля зарю, тускнеют на глазах.
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Земля и небо! Что еще? Геенна?
Проклятие! Ровнее, сердце, бейся!
Налейся, тело, силой, не дрожи! —
О бедный призрак, помнишь о тебе?
Пока не лопнул шар мой на плечах,
Пока не вытек мозг, — не позабуду!
Я со скрижалей памяти сведу
Чужие мысли, пошлые признанья,
Пустые анекдоты прошлых дней,
И весь свой мозг, очищенный от дряни,
От корки и до корки испишу
Твоими заповедными словами.
Свидетель небо мне! — Какая шлюха!
Какой подлец! Подлец из подлецов!
Смеющийся подлец! Где мой дневник?
Запишем, что смеются подлецы,
Смеются, оставаясь подлецами!
Где-где, а в Дании — наверняка.

(Пишет.)

Записано! Отныне мой девиз:

«Прощай, прощай! И помни обо мне!»

ГОРАЦИО (*за сценой*). Милорд! Милорд! Вы где?

МАРЦЕЛЛ (*за сценой*). Вы живы, принц?

ГОРАЦИО (*за сценой*). Откликнитесь, милорд!

ГАМЛЕТ. Я слово дал!

ГОРАЦИО (*за сценой*). Ого-го-го, милорд!

ГАМЛЕТ. Ого-го-го!

Ко мне летите, соколы мои!

Входят ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

МАРЦЕЛЛ. Что с вами, принц?

ГОРАЦИО. Что это было?

ГАМЛЕТ. Чудо!

ГОРАЦИО. Какое, принц?

ГАМЛЕТ. А вы не раззвоните?

ГОРАЦИО. Милорд, я буду нем.

МАРЦЕЛЛ. И я, милорд.

ГАМЛЕТ. Ну ладно. Мог ли я предположить...

Так будете молчать?

ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ. Клянемся небом!

ГАМЛЕТ. Вы не найдете в Дании мерзавца...

Чтоб сущим проходимцем не был он.

ГОРАЦИО. Была охота духу приходить

С подобной вестью.

ГАМЛЕТ. Совершенно верно!

На этом, без дальнейших церемоний,

Мы с вами и простимся. Вы вернетесь

К отложенным делам ли, развлеченьям —

У всех есть развлечение или дело, —

А мне придется, бедному, усердно

Поклоны бить.

ГОРАЦИО. Но это просто бред.

ГАМЛЕТ. Прошу прощенья, если этот бред

Вас оскорбил.

ГОРАЦИО. Нет в этом оскорбленья.

ГАМЛЕТ. Святой Патрик! Не то что оскорбленье,

Но даже преступленье в этом есть.

Скажу одно, чтоб прекратить расспросы:

Я верю духу — и на этом все.

Теперь, друзья, — ведь вы мои друзья:

И ты, студент, и ты, солдат, — прошу вас...

ГОРАЦИО. О чем же?

ГАМЛЕТ. Об увиденном — ни слова.
ГОРАЦИО. Клянусь молчать.
МАРЦЕЛЛ. И я молчать клянусь.
ГАМЛЕТ. Не так, — на шпаге.
МАРЦЕЛЛ. Мы уже клялись.
ГАМЛЕТ. На шпаге, повторяю вам.
ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!
ГАМЛЕТ. И ты, дружок, так думаешь? Слыхали?
Не спорьте с ним. Уж он-то честный малый.
Клянитесь, говорю.
ГОРАЦИО. Но чем, милорд?
ГАМЛЕТ. Рукой коснитесь шпаги и клянитесь
Молчать о том, что видели.
ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!
ГАМЛЕТ. *Nic et ubique?* — Здесь он и везде? —
Сюда идемте, господа. И вновь
Рукой коснитесь шпаги и клянитесь
Молчать о том, что слышали.
ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!
ГАМЛЕТ. Ну, старый крот, всю землю перерыл!
Лихой минер. Но все же отойдем.
ГОРАЦИО. О день и ночь! О странные дела!
ГАМЛЕТ. И чти их, словно странников, дружище.
На свете предостаточно вещей,
Неясных для схоластики твоей.
Но не об этом речь. Друзья мои,
Вновь поклянитесь милостью небес, —
Чего б я необычного ни сделал:
Прикинулся, допустим, дураком
Иль кем еще, — меня не выдавать
Ни мимикой, ни жестом, ни улыбкой,
Ни глупой фразой, например, такой:
«Уж нам-то ясно...», «Знаем, да не скажем...»,
«Будь наша воля...», «Если захотим...»;
Да и других сомнительных поступков
Не совершать, показывая всем,
Что знаете вы нечто обо мне.
Клянитесь милосердием Господним!
ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!
ГАМЛЕТ. Угомонись, неугомонный дух!
Итак, друзья, доверился я вам,
Любви и дружбе вашей доверяя.
Когда-нибудь, Бог даст, и я, злосчастный,
Вам тем же отплачу. Друзья, идемте.

И повторяю: губы на замок.
Свихнулся век. Проклятье! Ужас в том,
Что мне придется быть его врачом.
Идемте, господа.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Комната в доме Полония.

Входят ПОЛОНИЙ и РЕЙНАЛЬДО.

ПОЛОНИЙ. Рейнальдо, эти деньги и письмо
Ты отвезешь ему.

РЕЙНАЛЬДО. Понятно, сэр.

ПОЛОНИЙ. Но вот неплохо было бы сперва
Порасспросить людей, чем дышит он.

РЕЙНАЛЬДО. Я так и собирался поступить.

ПОЛОНИЙ. И превосходно! Справки наведи
В Париже о датчанах благородных.

Мол, кто да кто, кем приняты и как,

Шикуют, нет ли. И удостоверюсь

Окольною дорогой, что они

Наслышаны о сыне, приступай,

Но не впрямую, а исподтишка.

«Я знаю, мол, отца его, друзей

Да и его, и кое-что о нем».

Рейнальдо, ясно?

РЕЙНАЛЬДО. Да, милорд, как день.

ПОЛОНИЙ. «И кое-что о нем, хотя не все.

Но достоверно то, что лоботряс,

И редкостный причем». Болтать болтай,

Но так, чтоб честь его не пострадала.

Ты с этим не шути. Мол, то да се,

Весьма обыкновенные грешки

Для юноши, попавшего в Париж.

РЕЙНАЛЬДО. Быть может, карты?

ПОЛОНИЙ.

Именно, дружок.

Пирушки, потасовки, потаскушки...

А впрочем, ты все знаешь без меня.

РЕЙНАЛЬДО. Милорд, а я ему не наврежу?

ПОЛОНИЙ. Нет, ложь твоя вреда не принесет.

Не говори, что грешник он отпетый.

Не это нужно. Выходки его

Ты как-нибудь иначе истолкуй:

Воздействием негаданной свободы,

Чудачествами, пылкостью натуры,

Бурленьем раззадоренных страстей —

Что свойственно любому.

РЕЙНАЛЬДО.

Но, милорд...

ПОЛОНИЙ. Ты хочешь знать, на что мне это нужно?

РЕЙНАЛЬДО. Да, если можно.

ПОЛОНИЙ.

Вот в чем соль, дружок.

Когда слегка ты сына замараешь,

Как пачкают салфетки за едой, —

Твой визави тобою вызван будет

На откровенность. Если знает он,

Что юноша замешан кое в чем,

То подтвердит все наши опасенья,

Ответив: «сэр», «милорд» иль «господин»,

В зависимости от того, к каким

Он формам обращения привык.

РЕЙНАЛЬДО. Милорд, я понял.

ПОЛОНИЙ.

А потом... потом...

Он это самое... он того... Что же я хотел сказать? Я же, клянусь Богом, хотел сказать что-то очень важное. На чем я остановился?

РЕЙНАЛЬДО. На «подтвердит все наши опасенья».

ПОЛОНИЙ. Что «подтвердит»? Какие «опасенья»?

Ах, «подтвердит»! Вот именно. Он скажет:

«Мне этот юноша давно знаком.

Тогда-то, там-то, с тем-то из друзей

Он проторчал за картами всю ночь.

Они там пили, после — подрались».

Или, допустим, так: «Я видел сам,

Как он ломился в непристойный дом,

А попросту — в бардак». Ты уловил?

Так истины сазан клюет на ложь.

А мы, не обделенные умом

И ловкостью, подходим спрехвала —

Хоть и не прямо — к правде напрямиком.

Прошу тебя усвоить мой урок
И применить на практике. Дошло?
РЕЙНАЛЬДО. Конечно, сэр.
ПОЛОНИЙ. Храни тебя Господь.
РЕЙНАЛЬДО. Благодарю, мой добрый господин.
ПОЛОНИЙ. Ты приглядишься к наклонностям его.
РЕЙНАЛЬДО. Все сделаю, милорд, не беспокойтесь.
ПОЛОНИЙ. Пускай резвится.
РЕЙНАЛЬДО. Хорошо.
ПОЛОНИЙ. Ступай.

(РЕЙНАЛЬДО уходит.)

Входит ОФЕЛИЯ.

Ну, что еще, Офелия, стряслось?
ОФЕЛИЯ. Отец, о как меня он испугал!
ПОЛОНИЙ. Господь с тобою! Кто посмел?
ОФЕЛИЯ. Принц Гамлет.
Я вышиwała в комнате своей.
Вдруг входит: непокрыта голова,
Костюм изорван, грязные чулки
На щиколотках, словно кандалы;
Так жалко и бессмысленно глядит,
Как будто вырвался из преисподней
О мучениках ада рассказать.
ПОЛОНИЙ. Свихнулся от любви?
ОФЕЛИЯ. Боюсь, что да.
ПОЛОНИЙ. Он что-нибудь сказал?
ОФЕЛИЯ. Нет, сжал мне руку,
Назад шагнул, держа ее в своей,
Другую козырьком ко лбу приставил,
В глаза мне глянул и окаменел,
Как будто бы в себя мои черты
Вобрать пытался взглядом. Постоял,
Взмахнул рукою, выпустил мою,
Печально головою покачал
И так вздохнул ужасно, что, казалось,
На следующий вздох ему не хватит
Телесных сил. И как-то странно, боком,
Вслепую путь обратный находя,
Стал понемногу пятиться назад.
И так же, боком, вышел за порог,
Сверканьем глаз меня заворожив.

ПОЛОНИЙ. Пойдем и все расскажем королю.

У Гамлета любовная горячка,
Способная любого довести
До безрассудств — и до самоубийства!
Хотя и от других земных страстей
Не меньше зла. Ты с ним была строга?
Досадно! Ты, видать, перестаралась.

ОФЕЛИЯ. Да нет, но я, по вашему приказу,
С ним не встречалась, письма от него
Велела отсылать.

ПОЛОНИЙ. И он рехнулся.

Как жаль, что я его не раскусил.
Считал, тебя обидит он, повеса.
К чертям все подозрения! О небо!
Избыток рассудительности так же
Мешает старым людям, как вредит
Нехватка здравомыслия юнцам.
Офелия, живее к королю.
Рискованно скрывать от королей
Любовь их титулованных детей.
Офелия, идем.

(Уходят.)

Сцена вторая

Комната в замке.

Трубы. Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦ,
ГИЛЬДЕНСТЕРН *и* СВИТА.

КОРОЛЬ. Мы рады, Розенкранц и Гильденстерн,
Не только потому, что видим вас,
Но и надеясь помощь получить.
Вы, вероятно, знаете уже
О перемене, происшедшей с принцем?
На самого себя он не похож
Ни в мыслях, ни тем более в поступках.
Но чем, как не кончиною отца
Он потрясен до умопомрачения,

Никто не знает. Мы вас умоляем,
Поскольку вы воспитывались с ним
И в юности дружили, и постигли
Его привычки, соблаговолите
Пожить немного здесь и попытаться,
Общаясь с ним, его растормошить
И, если повезет, то разузнать,
Чем болен он, и средство подсказать
Для излечения принца.

КОРОЛЕВА. Господа,
Он спрашивал о вас неоднократно.
Нет, кроме вас, людей, к которым он
Еще равнодушен. Если вы
Согласны нам услугу оказать
И, позабыв о собственных делах,
Намерения наши воплотить,
То можете рассчитывать на милость,
Присущую монархам.

РОЗЕНКРАНЦ. Вашу волю,
Священную для нас, мы почитаем
Скорее приказанием, чем просьбой.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы рады услужить вам, наше рвенье
Коленопреклоненно полагая
К подножью королевского престола.

КОРОЛЬ. Благодарим вас, милый Розенкранц
И Гильденстерн.

КОРОЛЕВА. И мы благодарим
Вас, милый Гильденстерн и Розенкранц.
Поговорите с Гамлетом немедленно.
Вам будет нелегко его узнать.
Вас к принцу проведут. — Эй, кто-нибудь!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Пускай приезд наш волею небес
Пойдет ему на пользу.

КОРОЛЕВА. Дай-то Бог!

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Посланцы из Норвегии вернулись
С отменными вестями, государь.

КОРОЛЬ. Что ж, ты — отец приятных новостей.

ПОЛОНИЙ. Еще бы нет, мой добрый государь!
Считаю долгом всей душой служить,

Как Богу, властелину моему.
И полагаю — иль мои мозги
Утратили способность нападать
На след интриги, — я установил,
Из-за чего принц Гамлет заболел.
КОРОЛЬ. Не может быть! Рассказывай скорей.
ПОЛОНИЙ. На первое — послы; мои догадки,
Как фрукты за обедом, — на десерт.
КОРОЛЬ. Ты сам введи послов: им будет лестно.

(ПОЛОНИЙ уходит.)

КОРОЛЬ. Клянется он, голубка, что узнал,
Причину умопомраченья принца.
КОРОЛЕВА. Ручаюсь я, что это смерть отца
Да новое замужество мое.
КОРОЛЬ. Весьма возможно.

*Возвращается ПОЛОНИЙ с ВОЛЬТИМАНДОМ
и КОРНЕЛИЕМ.*

Добрый день, друзья.
Как, Вольтиманд, живет наш брат Норвежец?
ВОЛЬТИМАНД. Отлично, и того желает вам.
Прочтя письмо, он тотчас прекратил
Вербовку войск, которую племянник
Походом на Поляка объяснял,
А оказалось, начал для того,
Чтоб с вашею особой воевать.
Норвежец, раздосадованный тем,
Что провели, как мальчика, его,
Бессильного больного старика, —
Немедленно племянника призвал.
Тот прибыл и, упреки принимая,
Дал слово чести больше не пытаться
Идти на вас с оружием в руках.
От счастья старец выделил ему
В год около трех тысяч крон дохода
И предложил не мешкая напасть —
Поскольку в сборе армия — на Польшу.
А вот письмо (*подает бумагу*), в котором он вас просит
Позволить беспрепятственно пройти
По вашей территории полкам,

И меры безопасности принять
При этом обязуется.

КОРОЛЬ. Отлично!
Мы, для раздумья время улучив,
Прочтем, рассмотрим и дадим ответ.
Вы славно поработали, спасибо.
Ступайте спать, а ночью приходите:
Отметим ваш успех.

(ВОЛЬТИМАНД и КОРНЕЛИЙ уходят.)

ПОЛОНИЙ. Тут все в порядке.
Мой государь, сударыня, кивать
На власть, на долг, на то, что день есть день,
Ночь — ночь, а время — время, — это, значит,
И день, и ночь, и время убивать.
И, если риторичность — мишура,
А краткость — дух ума, скажу короче:
Ваш сын лишен ума; я повторяю:
Лишен ума — ведь он умалишенный,
Поэтому ума он и лишен.
Так вот...

КОРОЛЕВА. Оставьте шутки, ближе к делу.

ПОЛОНИЙ. Сударыня, клянусь, мне не до шуток.
Он сумасшедший, верно? Очень жаль;
И верно то, что жаль; и жаль, что очень.
Неважный силлогизм. Но шутки прочь.
Итак, он сумасшедший. Хорошо.
В чем существо изложенного дела?
Точней сказать, в чем существо пробела —
Ведь в деле есть пробел по существу?
Итог: пришли к тому, откуда вышли.
Но оцените то,
Что дочь моя, — а я имею дочь,
Красивую и скромную на редкость, —
Вручила мне, — а там решайте сами.

(Читает письмо.)

«Небесной, ангелу моих грез, распрекрасной Офелии». Как он ужасно выражается, просто отвратительно: «распрекрасной» — отвратительное выражение. Но слушайте, слушайте. (Читает.) «На ее ослепительно белую грудь...» и далее в том же духе.

КОРОЛЕВА. От Гамлета письмо?

ПОЛОНИЙ.

Повремените,

Сударыня, позвольте мне окончить.

(Читает.)

«Не верь, что солнце светит,
Что звезды выйдут вновь,
Что правда есть на свете,
А верь в мою любовь.

О дорогая Офелия, меня самого воротит от таких стихов. Я не поэт и втискивать в размеры собственные вздохи, к сожалению, не умею. Поверь хотя бы тому, моя прекрасная, нет, более чем прекрасная, что я тебя люблю. Навеки твой, госпожа моя, по крайней мере, до тех пор, пока механизм моего тела в моем распоряжении. Гамлет».

Еще не все. От дочери послушной
Узнал я место, время и слова,
В каких ее любви он помогался.

КОРОЛЬ. Как отнеслась она к его признаньям?

ПОЛОНИЙ. Кто я такой, как думаете вы?

КОРОЛЬ. Порядочный и умный господин.

ПОЛОНИЙ. Спасибо, коли так. А кем я стал бы,

Когда бы проглядел ростки любви, —
А я, сказать по правде, и без дочки
О многом догадался, — кем я стал бы
Пред вами, королева и король,
Когда бы в письмоносца превратился
Или ослеп, оглох и онемел?
Или взирал на эту страсть бесстрастно?
Кем бы я стал? Нет, я, без лишних слов,
Так дочери сказал: «Принц Гамлет — принц.
Его звезде с твоею не сойтись.
Забудь о нем». А также наказал
От Гамлета подальше держаться,
Посыльных и посланья отсылать.
Моя забота принесла плоды:
Он получил отказ, — я закругляюсь, —
И захандрил, забыл еду и сон,
Затем ослаб, раскис и наконец
Сошел с ума, своим безумным бредом
Пугая окружающих людей.

КОРОЛЬ. Вы верите?

КОРОЛЕВА. Приходится, милорд.

ПОЛОНИЙ. Припомните, сказал ли я хоть раз

«Вот это так», а вышло бы не так?

КОРОЛЬ. Такого не бывало никогда.

ПОЛОНИЙ (*показывая на свои плечи и голову*).

Скорее это с этого слетит,

Чем я солгу. С везением моим

Достану правду вам из-под земли.

КОРОЛЬ. Как это доказать?

ПОЛОНИЙ. Понаблюдать

За принцем. Ходит он по галерее

Порой часами.

КОРОЛЕВА. Ну и что?

ПОЛОНИЙ. К нему

Я в это время дочку подпущу,

А мы на них посмотрим из-за шторы.

И если принц Офелию не любит

И не из-за нее угас умом,

То не советник я при короле,

А сельский водовоз.

КОРОЛЬ. Договорились.

КОРОЛЕВА. А вот и он, мой бедный мальчик, с книгой.

ПОЛОНИЙ. Идите, умоляю вас, идите.

Я с ним поговорю.

(КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА и СВИТА *уходят*.)

Входит ГАМЛЕТ, читая.

Прошу прощенья,

Как ваше самочувствие, милорд?

ГАМЛЕТ. Вашими молитвами.

ПОЛОНИЙ. Вы знаете, кто я, милорд?

ГАМЛЕТ. А как же. Вы — рыботорговец.

ПОЛОНИЙ. Нет, милорд, я рыбой не торгую.

ГАМЛЕТ. Жаль. Может быть, тогда вы перестали бы торговать честью.

ПОЛОНИЙ. Честью, милорд?

ГАМЛЕТ. Именно, сэр. Видите ли, в этом мире на стадо из десяти тысяч голов приходится всего лишь одна честная овца.

ПОЛОНИЙ. Как это верно, милорд!

ГАМЛЕТ. Само солнце жадно ласкает падаль — вот вам и черви в дохлятине... У вас есть дочь?

ПОЛОНИЙ. Да, милорд.

ГАМЛЕТ. Не держите ее на солнце. Ей, конечно, нужно еще созреть, но то, что у нее может вызреть... Смотрите, дружище.

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Что я говорил? Так и норовит перевести разговор на Офелию. А сперва меня не признал: ты, говорит, рыботорговец, надо же. Далеко зашел, дальше некуда. Впрочем, я и сам в юности чуть до ручки не дошел из-за любви. Все мы в этом смысле одинаковы. Ладно, подойдем с другого бока. — Что вы читаете, милорд?

ГАМЛЕТ. Слова, слова, слова.

ПОЛОНИЙ. И что в них говорится?

ГАМЛЕТ. Относительно чего?

ПОЛОНИЙ. Я хотел спросить: что говорит автор книги?

ГАМЛЕТ. Клеветает, сэр. По словам этого саркастичного шута, у стариков бороды седые, лица изрезаны морщинами, а глаза гноятся; кроме того, старики, мол, обладают переизбытком скудоумия благодаря рыхлости задниц. Это убедительно, но, на мой взгляд, надо быть большим подлецом, чтобы распространяться о таких вещах. И вы, сэр, со временем одряхлеете, как и я, если станете пятиться раком.

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Если это и безумие, то своя логика в нем есть. — Не уйти ли нам со сквозняка, милорд?

ГАМЛЕТ. Куда? В могилу?

ПОЛОНИЙ. Верно, там не сквозит. (*В сторону.*) Безумный, а как умно порой отвечает. Нечаянное благо умалишенного, которого зачастую лишены мыслящие здраво. Остается только обмозговать, каким образом свести его с Офелией. — Мой благородный принц, покорнейше прошу отпустить меня.

ГАМЛЕТ. Что-что, а эту вашу просьбу я удовлетворю с величайшей радостью. Но почему вы не догадались выпросить у меня мою жизнь?... мою жизнь... мою жизнь...

ПОЛОНИЙ. Всяческих вам благ, милорд.

ГАМЛЕТ. Как нудны эти старые шуты!

Входят РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

ПОЛОНИЙ. Вы к Гамлету? Прошу.

РОЗЕНКРАНЦ (ПОЛОНИЮ).

Храни вас Бог!

(ПОЛОНИЙ уходит.)

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милейший принц!

РОЗЕНКРАНЦ.

Высокочитимый принц!

ГАМЛЕТ. Друзья мои любимые, вот встреча!

Вы ль это, Розенкранц и Гильденстерн?

Рассказывайте быстро, как живете.

РОЗЕНКРАНЦ. Как рядовые жители земли.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Избыток счастья, к счастью, не про нас.

Не пуговицы мы с колпака судьбы.

ГАМЛЕТ. Но и не каблучки на башмаках?

РОЗЕНКРАНЦ. Ни то, ни се, милорд.

ГАМЛЕТ. Неужели вы располагаетесь рядом с ее корсажем, а может быть за... в самом центре прелестей судьбы?

РОЗЕНКРАНЦ. Верно, мы с ней в последнее время сблизились.

ГАМЛЕТ. Иными словами, вы с ней сожительствуете? Хотя это еще та стерва. Что нового на свете?

РОЗЕНКРАНЦ. Ничего, милорд, если не считать того, что на свет вышли ростки справедливости.

ГАМЛЕТ. Стало быть, на носу светопреставление. Но — навряд ли. Впрочем, объяснитесь. Что справедливого, например, в том, что ваша хваленая судьба сгоняет вас со света прямо в тюрьму?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. То есть как, милорд?

ГАМЛЕТ. Дания — тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦ. Выходит, и весь мир — тюрьма.

ГАМЛЕТ. Причем идеальная, со множеством камер, застенков и темниц. Но Дания — мрачнее прочих.

РОЗЕНКРАНЦ. Нам так не кажется, принц.

ГАМЛЕТ. Как вам будет угодно. Ничто не может быть хорошим или плохим вне нашего сознания. Мне кажется, я сижу в тюрьме.

РОЗЕНКРАНЦ. Вы грезите о славе, милорд, а Дания слишком мала для осуществления ваших замыслов.

ГАМЛЕТ. О Боже! Да я и в ореховой скорлупе чувствовал бы себя властелином вселенной, не будь у меня тяжелых снов.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. В которых и проявляется ваше тщеславие. Ведь оно, в сущности, является тенью сна.

ГАМЛЕТ. Но ведь сущность сна — это, если хотите, тоже тень.

РОЗЕНКРАНЦ. Согласен. Но тщеславие, по-моему, более не-весомая и призрачная субстанция: тень тени, и только.

ГАМЛЕТ. Исходя из ваших слов, телесны только нищие и бродяги, а короли и полководцы являются их тенями. Так, что ли? Но нас, наверное, уже заждались при дворе. Пойдемте, а? От нашего спора у меня разболелась голова.

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы рады вам служить.

ГАМЛЕТ. А вот этого не надо. Слуг у меня хватает и без вас, причем они — поверите ли? — в последнее время подозрительно внимательны к моей особе. Но, между нами, что привело вас в Эльсинор?

РОЗЕНКРАНЦ. Желание повидать вас, милорд. Что же еще?

ГАМЛЕТ. Бедняк вроде меня не в состоянии вас даже поблагодарить. Но хотя благодарности моей грош цена, я вам все-таки благодарен. Вас не приглашали? Вы и впрямь по мне соскучились? Вы приехали сами по себе? Давайте поживей. Только откровенно. Я жду. Да говорите же в конце концов!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Что именно, милорд?

ГАМЛЕТ. Почему я знаю? Наверное, правду. Вас пригласили, да? Ваши глаза освещены признанием, и его не может притушить ваша скромность. Я все знаю: добрые король и королева пригласили вас.

РОЗЕНКРАНЦ. На что мы им нужны, милорд?

ГАМЛЕТ. Это я и хотел бы выяснить у вас. Умоляю, вспомните наше старинное братство, уверения юности, заповеди проверенной дружбы или более святые понятия, к которым порой прибегают опытные законники, — и не кривите душой. Вас пригласили? Да или нет?

РОЗЕНКРАНЦ (ГИЛЬДЕНСТЕРНУ). Что будем делать?

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Кажется, попал. — Если я вам по-прежнему дорог, скажите правду.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милорд, нас пригласили.

ГАМЛЕТ. Берусь дать соответствующие объяснения. Благодаря моим догадкам, вы не разгласите государственной тайны, и ваше умение хранить ее не будет ошципано. С некоторых пор я, по неизвестным причинам, лишился присущего мне жизнелюбия, отказался от повседневных занятий и впал в такое угнетенное состояние, что наша планета — этот рай земной — кажется мне островом смерти; а воздух — этот хрустальный храм под сенью лучезарного небосвода, этот грандиозный купол, инкрустированный золотыми стрелами, — представляется мне — верите ли? — омерзительным сгустком зловонного тумана. А вершина мироздания — человек! Одухотворенный и талантливый! Пропорциональный в сложении и непринужденный в движении! Поведением напоминающий ангела, мышлением — Бога! Самое прекрасное и образцовое животное во вселенной! А какое мне дело до этой квинтэссенции праха! Мужчины мне ненавистны, женщины — тем более. Это так, несмотря на ваши двусмысленные улыбки.

РОЗЕНКРАНЦ. Я бы не дерзнул и мысленно оскорбить вас.

ГАМЛЕТ. Тогда чему вы улынулись?

РОЗЕНКРАНЦ. Я представил, милорд, как, при вашей ненависти к мужчинам, несолоно хлебнут у вас актеры. Мы опередили их по дороге к замку. Они торопятся показать вам свое искусство.

ГАМЛЕТ. Мое почтение актеру-королю: его величество получит по заслугам; любовник, намучавшись, добьется желаемого; простак под занавес обретет свое счастье; шут зарядит шутками

тех, кто готов ни с того ни с сего разрядиться смехом; героиня об-
легчит душу, несмотря на ритмические сбои. Что это за актеры?

РОЗЕНКРАНЦ. Ваши хорошие знакомые: городские трагики.

ГАМЛЕТ. С какой стати они пустились в разъезды? Дома и
слава, и доходы значительно выше.

РОЗЕНКРАНЦ. Полагаю, их погубили новые веяния.

ГАМЛЕТ. При мне спектакли этой труппы шли при полном
аншлаге. Успех был просто оглушительный.

РОЗЕНКРАНЦ. Об этом теперь нет и помина. Скорее наоборот.

ГАМЛЕТ. Не понимаю. Может, они охрипли, все поголовно?

РОЗЕНКРАНЦ. Нет, они, как всегда, в форме. Но их теснит
целый выводок неоперившихся молокососов, срывающих своими
непотребными воплями бешеные овации. Детки ошалели от успеха
и почем зря издеваются над публичными театрами — как они их
называют, — так что обладатели рапир, запуганные гусиными
перьями, не кажут туда и носа.

ГАМЛЕТ. Ничего себе дети! Откуда они взялись. Получают ли
за свою работу? Как долго они намерены валять дурака? Пока не
начнет ломаться голос? А если они станут профессиональными
актерами — а ничего другого им не остается, — не проклянут ли
они бессовестных писак, поощрявших их нападки на собственную
судьбу?

РОЗЕНКРАНЦ. Право, и маленькие, и большие дров наломали
порядочно. А публика без зазрения совести раздувает эту вражду.
Доходило до того, что пьесы не делали сборов, если авторы в них
не обкладывали друг друга.

ГАМЛЕТ. Невероятно!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Да, кишки повыпускали многим.

ГАМЛЕТ. И мальчишки взяли верх?

РОЗЕНКРАНЦ. Верхом сели, милорд. И на Геркулеса — мало
ему своей ноши.

ГАМЛЕТ. Но все это в порядке вещей. Возьмите тех, кто при
жизни моего отца корчил рожи моему дяде, а теперь отваливает по
двадцать, сорок, пятьдесят, а то и по сотне дукатов за портретики
его величества короля Дании. Черт побери! Никакой философии
не разобраться в подобной чертовщине.

(Трубы.)

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Наверное, пожаловали актеры.

ГАМЛЕТ. Господа, я счастлив снова увидеться с вами. Еще
раз жму ваши руки. Атрибуты гостеприимства — учтивость и
ритуальные приветствия. Подчинимся правилам, и тогда при виде
моей, отчасти показной, предупредительности к актерам, вы не

скажете, что их я принимаю радушнее, чем вас. Итак, вы у меня в гостях. А мои родственнички-родители в заблуждении.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Насчет чего, милорд?

ГАМЛЕТ. Я схожу с ума только при норд-норд-весте. Если дует с юга, я чую разницу между соколом и стервятником.

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Приветствую вас, господа.

ГАМЛЕТ. Внимание, Розенкранц и Гильденстерн. Навострите уши. Перед вами великовозрастный младенец, который еще не вышел из пеленок.

РОЗЕНКРАНЦ. Или же снова в них очутился. Так сказать, впал в детство.

ГАМЛЕТ. Спорим, он нам поведает об актерах? — Я с вами согласен, сэр, это было в понедельник утром.

ПОЛОНИЙ. Милорд, я должен вам кое-что сообщить.

ГАМЛЕТ. Я тоже. Однажды Росций, римский актер...

ПОЛОНИЙ. Вот и я об этом: в замке актеры, ваше высочество.

ГАМЛЕТ. Жужжи, пчела.

ПОЛОНИЙ. Клянусь честью, милорд.

ГАМЛЕТ. Актера два и два осла.

ПОЛОНИЙ. Лучшая труппа в мире. В репертуаре: трагедии, комедии, хроники, идиллии, исторические пасторали, пасторальные трагедии, трагические истории, хроникально-пасторальные трагикомедии. Сенека у них лишен помпезности, Плавт — пошлости. Им нет равных ни в классических, ни в современных пьесах.

ГАМЛЕТ. А теперь, Иеффай, судья израильский, признавайся, что за сокровище ты хранил?

ПОЛОНИЙ. Какое сокровище, милорд?

ГАМЛЕТ. А такое:

«И дочь-красавицу свою

Любил он больше жизни».

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Далась ему моя дочь!

ГАМЛЕТ. Чур, не увиливать, старый Иеффай!

ПОЛОНИЙ. Будь по-вашему: придется мне на старости лет стать Иеффаем — ведь у меня и впрямь есть любимица-дочь.

ГАМЛЕТ. Нет, по-нашему совсем не так.

ПОЛОНИЙ. А как, милорд?

ГАМЛЕТ. А вот как:

«Но рок вершил, что Бог решил»,
остальное старо, как мир:

«И как-то раз беда стряслась».

Начальные строки настолько исполнены благочестия, что не имеет смысла петь всю балладу до конца. Зато, если ее сократить, можно будет скоротать время с новоприбывшими.

Входят четверо или пятеро АКТЕРОВ

Здравствуйте, господа актеры, здравствуйте. Я счастлив снова встретиться с вами. Приветствую вас, гости дорогие. Здорово, старина! Сколько ж мы не виделись, если ты явился в Эльсинор дразнить меня зарослями, которыми покрыто твое лицо? Ага, наша юная леди тоже здесь! Пресвятая Дева! Девочку в мое отсутствие подкинуло к небу чуть ли не на каблук. Боже правый! Неужели ее невинный голосок дребезжит, как разбитая монета? — Еще раз здравствуйте, господа. И вот что мы сделаем: подобно егерям-французам, гоняющим все, что под руку попадется, проверим с ходу ваши способности. Прочтите-ка нам монолог, желательно трагический.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Какой именно, милейший принц?

ГАМЛЕТ. Постарайся вспомнить читанный тобой когда-то монолог из одной малоизвестной пьесы. Если ее и ставили, то не больше одного раза, да и то перед равнодушной публикой, не приученной к изысканным кушаньям. Мне же эта пьеса показалась превосходной, а знатоки не чета мне отмечали в ней хорошо продуманную композицию и простоту стиля. Правда, — добавляли они, вовсе не желая упрекнуть автора в безвкусице, — стихи несколько пресноваты, но из-за отсутствия приправ они не стали менее сочны. Да, это была удачная вещь. Более всего мне там нравился монолог Энея, а именно те строки, в которых он рассказывает Дидоне о гибели Приама. Начинается он, — дай Бог память! — кажется, с Пирра. Погодите, погодите:

«Рассвирепевший Пирр Гирканским зверем...»

Нет, не отсюда; вот:

«Рассвирепевший Пирр, ведомый в бой
Намереньями, черными, как ночь,
Едва покинул конскую утробу,
Как тут же залил пурпурною краской
Доспехи вороненые свои.
Как он был страшен, тонущий в крови
Младенцев, матерей, отцов, чьи трупы,
Казалось, запекаются от жара
Горящих зданий, бойню озарявших.
Заляпан кровью, дымом закопчен

И выпучив карбункулы-глаза,
Приама ищет кровожадный Пирр...»

А дальше вы.

ПОЛОНИЙ. Я Господом клянусь, принц, мы заслушались!
Какой темперамент! Какое мастерство!

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «И наконец находит. Увидав,
Что старец отбивается едва,
Что меч не держит дряхлая рука,
Несется Пирр к царю и не мечом, —
Движением стремительным своим
Сбивает безоружного Приама.
Не в силах этого перенести
Бездушные громады Илиона:
С ужасным шумом грузно оседает
Полусожженный храм. И цепенеет
Оглохший Пирр, застыв, как истукан,
И обо всем на свете позабыв;
И обнаженный меч в его руке
Над сединой Приама зависает,
Как бы увязнув в воздухе густом.
Но точно так же, как перед грозой
Покровы беспокойной тишины,
Надетые природой полумертвой,
Удар молниеносный в клочья рвет,
Разбив на части небо, — так и Пирр,
Очнувшись, мстительно напрягся и...
Ни разу молот мастера-Циклопа,
Сработавшего Марсовы доспехи,
Не ухался с неистовством таким
На наковальню, как залитый кровью
Меч Пирра на Приама.
Продажная Фортуна! Покарайте,
О боги-небожители, ее!
Переломайте спицы в колесе
И бросьте в преисподнюю ступицу,
Как демона с небес!»

ПОЛОНИЙ. По-моему, несколько длинновато.

ГАМЛЕТ. Это укоротят с вашей бородой заодно. — Не слушай
его. Все, кроме разнузданных танцев и скабрёзных историй, его
усыпляет. Продолжай, пожалуйста. Теперь давай о Гекубе.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «Кто б увидал
Средь улиц посрамленную царицу...»

ГАМЛЕТ. Что-что? «Посрамленную средь улиц»?!

ПОЛОНИЙ. Вам не нравится? А по-моему, неплохо.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «О если бы кто видел, как она

Снует босая, пламя заливая
Горючими слезами; что венцом
Ей служит плат, а платьем — одеяло,
На лоно, изнуренное от родов,
Навитое впотьмах. Кто б это видел,
Тот ядом бы насыщенную речь
Обрушил на беспутную Фортуны.
А если бы присутствовали боги
При том, как Пирр у бедной на глазах
Четвертовал, злорадствуя, супруга,
И слышали ее утробный вой, —
Хоть дела нет им до людского горя, —
Померкли бы небесные глаза
В потоке слез, и боги б содрогнулись!»

ПОЛОНИЙ. Смотрите, на нем лица нет и на глазах слезы.
Велите ему перестать, милорд.

ГАМЛЕТ. Ладно, закончишь в следующий раз. — Проследите, мой милый, чтобы актеров приняли как положено. Слышите? Давать им все, что ни спросят. Ибо они — воплощенная часть истории. Вы заработаете злую эпитафию посмертно, если обидите их при жизни.

ПОЛОНИЙ. Милорд, они получают столько, сколько заслуживают.

ГАМЛЕТ. Черт возьми, приятель! Несколько раз по столько! Кто из нас, получив заслуженное, унесет ноги? Похлопочите о них, как о самом себе. Чем меньше у них заслуг, тем больших почестей заслужит ваша доброта. Забирайте их.

ПОЛОНИЙ. Прошу вас, господа.

ГАМЛЕТ. Идите, друзья, идите. Пьесу мы послушаем завтра.

(ПОЛОНИЙ и все АКТЕРЫ, кроме ПЕРВОГО, уходят.)

Вот что, дружище, могли бы вы разыграть «Убийство Гонзаго»?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Безусловно, милорд.

ГАМЛЕТ. Подготовьте это к завтрашнему вечеру. А можно мне вставить в текст двенадцать-шестнадцать строчек собственного сочинения?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Пожалуйста, милорд.

ГАМЛЕТ. Вот и хорошо. Держись того господина, но не вздумай вышучивать его.

(ПЕРВЫЙ АКТЕР уходит.)

До вечера, милые друзья. Будьте как дома в Эльсиноре.

РОЗЕНКРАНЦ. Милейший принц.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

ГАМЛЕТ. Прости им Бог! Насилу убрались.

Нет, видно я — подонок и холуй.

Чудовищно! но даже лицедей

Игрой воображаемого чувства

Сумел настолько воодушевиться,

Что побелел, глаза его набухли,

Взор помутился, голос задрожал

И каждое движенье отразило

Смятенье духа — но из-за чего?!

Из-за Гекубы!

Он и Гекуба — что они друг другу?

А он в слезах. А если бы, как я,

Имел он основание бесноваться,

Что б он творил? Рыдал бы в три ручья,

Толпу безумной речью бичевал бы,

Сводя с ума, пугая, поучая

Виновных, невинных и невинных?

И превратил бы их в глухонемых?

А я?

Тупой слюняй, расслабленно брожу,

Забыв себя, как сонная тетеря,

Словечком не вступлюсь за короля,

Чья безупречно доблестная жизнь

Пропала к черту. Может быть, я трус?

Кто хочет оскорбить меня? Ударить?

Взять за волосы? Плюнуть мне в лицо?

Дать по носу щелчка? Назвать меня

В глаза, при всех, лжецом? Кто хочет? А?

Я разрешаю, в очередь вставайте.

Наверно, печень голубя во мне,

В ней желчи нет — злодейство я терплю

И до сих пор шакалам не скормил

Труп этого мерзавца. Грязный скот!

Блудливый зверь! Бессовестный ублюдок!

Возмездие!

Нет, право, я осел! Что я за сын?

Ко мне вызывает тот и этот свет:

«Воздай убийце милого отца!»

А я тут опускаюсь до ругни

И самоутешаюсь словесами,
Как потаскуха или судомойка!
Позор! Вперед, мой разум! Я слышал,
Что самые отпетые злодеи,
Захваченные магией игры,
Порой душевной встряске подвергались
И каялись публично в преступлениях:
Убийство проболтается и молча.
Одну из сцен, в которой смерть отца
Предстанет зримо, дяде предъявив, —
Ланцетом-взглядом я его вспорю.
А вдруг меня лукавый искушал?
Вселиться мог он в образ дорогой.
К тому же, как на грех, моя душа,
От горя обессиленная, стала
Добычей легкою для сатаны.
Нет, должен быть источник повернее.
На завтрашний спектакль, как на живца,
Поймаю совесть дяди-подлеца.

(Уходит.)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНИЙ, ОФЕЛИЯ,
РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ. Вам, стало быть, узнать не удалось,

Зачем он предается сумасбродствам

И превращает собственную жизнь

В небезопасный и кошмарный сон?

РОЗЕНКРАНЦ. Не хочет он, ссылаясь на недуг,

Распространяться о его причине.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Он, как лунатик, с легкостью минует

Ловушки наши, ловко обходя

Вопрос о самочувствии своем.

КОРОЛЕВА. А как он встретил вас?

РОЗЕНКРАНЦ.

Как подобает.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Однако был при этом суховат.

КОРОЛЕВА. Быть может, он желает поразвлечься?

РОЗЕНКРАНЦ. Об этом-то, сударыня, и речь.

Случилось так, что по дороге к вам

Нагнали мы актеров. Их приезд,

По-моему, обрадовал милорда.

Он, как я понял, приказал актерам

Играть сегодня пьесу для него.

ПОЛОНИЙ. Я подтверждаю; более того,

Он просит короля и королеву

Послушать представление.

КОРОЛЬ.

Охотно!

За Гамлета мы рады, если в нем

Вновь пробудились склонности к искусству.

Усердней раздувайте, господа,

Его порыв к подобным наслаждениям.

РОЗЕНКРАНЦ. Мы сделаем, что можем, государь.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

КОРОЛЬ. И ты, Гертруда милая, ступай.

Здесь будет принц с минуты на минуту.

И на него здесь якобы случайно

Офелия, гуляя, набредет.

А из укрытья мы с ее отцом —

Заправские шпионы-невидимки —

Увидим все. И по тому, как принц

С ней будет говорить, определим:

Любовью или, может, не любовью

Страдает он.

КОРОЛЕВА.

Не стану вам мешать.

И если сын мой болен из-за вас,

То это было б счастьем, дорогая.

Вы, с вашей добродетелью, надеюсь,

Вернете принцу прежний образ жизни,

На радость вам двоим.

ОФЕЛИЯ.

О, хорошо бы!

(КОРОЛЕВА уходит.)

ПОЛОНИЙ. Сюда прошу покорно, государь.

Офелия, прогуливайся здесь.

Вот книга. Сделай вид, что зачиталась

И никого не ждешь. Так поступать

Нечестно, дочь моя, но что поделать!

Прикинувшись святошею, и черта

Смирною личиною улестишь.

КОРОЛЬ (*в сторону*). О, до чего же этот дьявол прав!

Напудренные щеки потаскухи

Белее, чем деяния мои,

Осыпанные лживой болтовней.

О, тяжек крест!

ПОЛОНИЙ.

А вот и наш больной.

(КОРОЛЬ и ПОЛОНИЙ *уходят*.)

Входит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Вопрос вопросов: быть или не быть?

Что благородней — славить провиденье

И подставлять его ударам грудь

Иль бой принять: шагнуть во всеоружье

В пучину зла? Уснуть навек. Уснуть —

И кончено. Поверить, что, уснув,

Избудешь сотни мук души и тела?

Да разве можно благом не считать

Финал такой? Уснуть. Навек уснуть.

И, значит, видеть сны? Вот где барьер!

Сомненье в том, что, сбросив путы жизни,

Мы будем сны загробные смотреть,

Удерживает нас на этом свете,

Пожизненные беды нам суля.

И кто терпел бы пытки бытия:

Ярмо тирана, чванство самозванцев,

Боль от измены, канитель суда,

Чиновников продажность и пинки

Достойным людям в дар от негодяев, —

И не освободил бы сам себя

Ударом стали? Кто тянул бы лямку

Постылых лет, потя и скуля,

Когда бы страх проснуться после смерти

В неведомой стране, где пропадают

Паломники навек, не вынуждал

Предпочитать известную беду

Погоне за бедою неизвестной?
Так делаешься трусом — от ума,
Так дерзости румянец выпцветает,
Изъеден бледной немочью мышленья,
А планы, грандиозные по цели
И важности, переменяя русло,
Расходятся с поступками. Но хватит!
Офелия, о нимфа, не забудь
Мои грехи в молитвах помянуть!

ОФЕЛИЯ. Как ваше самочувствие, милорд?

ГАМЛЕТ. Как никогда: здоров, здоров, здоров.

ОФЕЛИЯ. То, что вы мне на память подарили,
Я вам хочу вернуть. Возьмите, принц.

ГАМЛЕТ. Ошибка вышла: это был не я.

ОФЕЛИЯ. Прошу прощенья, принц, подарки ваши,
Овеянные нежными речами,
Мне голову кружили и — вскружили.
Того благоуханья больше нет.
Дары для добродетели — не в счет,
Когда изменит тот, кто их дает.
Берите же, милорд.

ГАМЛЕТ. Кто б мог подумать! Стало быть, мы добродетельны?

ОФЕЛИЯ. Милорд?

ГАМЛЕТ. И красивы?

ОФЕЛИЯ. Что это значит, ваше высочество?

ГАМЛЕТ. Видите ли, если мы и добродетельны и красивы, нам
следует знать, что добродетель — плохая подруга для красоты.

ОФЕЛИЯ. Но разве красота не должна дружить с добродете-
лью?

ГАМЛЕТ. Так-то оно так, но скорее чары красоты обезобразят
добродетель, нежели образчики добродетели очаруют красоту.
Этот давнишний парадокс с недавних пор стал общим местом.
Кажется, я любил тебя.

ОФЕЛИЯ. Вы заставили меня в это поверить, принц.

ГАМЛЕТ. Я здесь ни при чем. Просто добродетель, привитая к
стволу нашей исконной природы, не в силах отбить его подлинного
запаха. Я не любил вас.

ОФЕЛИЯ. Значит я обманулась в своих надеждах.

ГАМЛЕТ. Шла бы ты в монастырь. Охота была множить новое
поколение грешников. Даже я, человек более-менее честный, знаю
за собой такое, что лучше бы мне и на свет не родиться. Я крайне
высокомерен, мстителен, тщеславен. Меня соблазняет столько
преступлений, что для их вынашивания, подготовки и осущест-
вления мне не достанет ни силы, ни желания, ни возможности.

И зачем это я и мне подобные деятели копошатся между небом и землей? Мы — отъявленные жулики, все поголовно. Не верь нам. Одна тебе дорога — в монастырь. Где твой отец?

ОФЕЛИЯ. Дома, милорд.

ГАМЛЕТ. Запри его, чтобы он мог валять дурака только в своих апартаментах. Ступай.

ОФЕЛИЯ. Благое небо, помоги ему!

ГАМЛЕТ. А на случай твоего замужества — вот тебе от меня проклятие вместо приданого: да не спасет тебя от сплетен ни лед невинности, ни снег чистоты. Иди в монастырь, и немедленно. Но если тебе все-таки хочется замуж, выбирай мужа из тех, кто поглупее. Ведь умные люди хорошо представляют себе, в каких скотов они превращаются благодаря вам. Одним словом, в монастырь. С Богом!

ОФЕЛИЯ. Спаси его, святая рать небес!

ГАМЛЕТ. С вашими художествами я тоже знаком. Вы и при-танцовываете, и порхаєте, и стрекочете, обыывая по-всякому чуть ли не каждое создание Божье — лишь бы показной добродетелью прикрыть свою распутную суть. Хватит! Мне это надоело! От этого я и сошел с ума. Не надейся на брак, их больше не будет. Да здравствуют все пары, кроме одной. А холостые — перебьются. Иди в монастырь. (*Уходит.*)

ОФЕЛИЯ. Какой был человек! Умом — философ,

Душою — воин, благородством — принц.

Оплот и гордость целого народа.

Кристалл заслуг, прообраз образца,

Верх совершенства — все пропало, все!

А я, бедняжка, давеча внимала

Медовой музыке его признаний —

И вдруг такой величественный ум

Визгливо зазвенел, как бубенец,

А молодости дивные черты

Безумье исказило. Выше сил

Знать, кто он нынче, зная, кем он был!

КОРОЛЬ и ПОЛОНИЙ *возвращаются.*

КОРОЛЬ. Любовь? Нет, не она его влечет.

Хоть речь его порою и сумбурна,

Он не безумец. В глубине души

От горя он вынашивает нечто,

Куда страшнее, чем на первый взгляд.

Чтоб это все в зародыше пресечь,

Мы так недолго думая велим:

Пусть в Англию он срочно уберется
И соберет оставшуюся дань.
Возможно море, перемена места
И впечатлений исцелят болезнь,
Что у него в душе укоренилась
И выбила его из колеи,
Заклинив мозг. По-вашему, я прав?
ПОЛОНИЙ. Конечно, да. Но все же, убежден,
Что истинный исток его тоски —
Отказ в любви. — Офелия, жива?
Молчи, нам было слышно хорошо. —
Вы правы, да, но что бы королеве,
Послушав пьесу, не поговорить
По-матерински с мальчиком своим,
А мне б их не послушать за ковром?
Уж если принц и ей не подчинится,
То воля ваша, можете его
Хоть в Англию отправить, хоть в тюрьму.
КОРОЛЬ. Да будет так! А принцу поделом:
Умалишенных держат под замком.

(Уходят.)

Сцена вторая

Зал в замке.

Входят ГАМЛЕТ и несколько АКТЕРОВ.

ГАМЛЕТ. Умоляю, читайте это, как я говорил: живо, но членораздельно. Будете вопить, как это у вас принято, я приглашу на ваше место городских герольдов. Не сучите руками, будьте умеренны в жестах. Среди водопада, шквала, если хотите, тайфуна страсти вы должны держать себя в руках благородства ради. Чувствуешь себя оплеванным, когда бесноватый малый, нахлобучив парик, разрывается на части, швыряя лохмотья страсти оглоушенному партеру, который воспринимает только немоту пантомимы и тарабарщину. Я бы порол актеров, пытающихся переплюнуть Термаганта или перекуродить Ирода. Чтобы у вас этого не было.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Этого не будет, ваше высочество.

ГАМЛЕТ. Ни к чему и чрезмерная сдержанность. Положитесь на свое чутье и старайтесь подкреплять слова движениями, движения — словами, и думать при этом только о том, как не оказаться за пределами жизненной правды. Любое излишество губительно для театра, который от века и поныне является зеркалом жизни, отражающим и сущность добродетели, и нутро порока, и вообще все сильные и слабые стороны современности. Если тут перегнуть или не дожать, — это, конечно, заставит хохотать олухов, но не может не доставить огорчения знатоку, приговор которого — хотите вы этого или нет — перевесит восторги толпы. О, я видывал актеров, возвеличенных донельзя, с голосами и телодвижениями, несвойственными — Господи прости! — ни христианам, ни правоверным, ни даже мужчинам; кривляющиеся и блеющие, они казались мне изделиями некоего чернорабочего природы, к тому же недоделанными — настолько гадко пародировали они род людской.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Мы уже почти перестроились в этом отношении.

ГАМЛЕТ. Так перестройтесь окончательно! И пусть шуты у вас не выходят за рамки роли, то есть не смеются сами, причем в ключевых сценах спектакля, стараясь рассмешить самых неприязнительных зрителей. Как омерзительно мелкое честолюбие глупцов, не гнушающихся таким низкопробным приемом. Идите и поторопитесь с подготовкой.

(АКТЕРЫ *уходят.*)

Входят ПОЛОНИЙ, РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

Итак, сэр, будет ли король слушать пьесу?

ПОЛОНИЙ. Вместе с королевой и немедленно.

ГАМЛЕТ. Передайте актерам, чтобы пошевеливались.

(ПОЛОНИЙ *уходит.*)

Не угодно ли вам помочь ему?

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН. Как прикажете, милорд.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *уходят.*)

ГАМЛЕТ. Горацио, сюда!

Входит ГОРАЦИО.

ГОРАЦИО.

Иду, милорд!

Приказывайте.

ГАМЛЕТ.

Изо всех людей,

С которыми судьба меня сводила,

Горацио, ты самый благородный.

ГОРАЦИО. Принц, вы мне льстите.

ГАМЛЕТ.

Как ты мог подумать!

Нет у тебя сокровищ — ты живешь

Сокровищами духа своего.

Такому льстить — невыгодное дело.

К тельцу златому липнут языки

И на коленях ползают пред тем,

Кто платит подхалимам за труды.

С тех пор как мной душа моя владеет

И судит о достоинствах людей,

Твой образ в ней навек запечатлелся.

Страдая, ты в страдальцах не ходил

И сохранял спокойствие среди

Превратностей судьбы. Лишь тот блажен,

Кто, чувства обуздав умом, не станет

Свирелью петь по прихоти судьбы.

Кто от страстей ушел — мне по душе:

Я всей душою понимаю их,

Вбираю всей душой моей души —

И ты один из них. Однако — к делу.

Король сегодня будет слушать пьесу.

В ней сцена есть — внимательно смотри

И вспомнишь мой рассказ про смерть отца.

Едва к тому отрывку подойдут,

Сосредоточь внимание на дяде.

И если он и вправду согрешил,

А в тот момент и глазом не моргнет,

То в копоты фантазия моя,

Как печь Вулкана. В оба наблюдай.

И я его глазами пригвозжу.

А после впечатления свои

Обсудим и сравним.

ГОРАЦИО.

Сравним. Обсудим.

И если он украдкой украдет —

За краденое мне пришлите счет.

ГАМЛЕТ. Сюда идут. Я снова притворюсь.

Сядь где-нибудь, чтоб видел я тебя.

Датский марш. Трубы.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА,
ПОЛОНИЙ, РОЗЕНКРАНЦ, ГИЛЬДЕНСТЕРН,
ЛОРДЫ и СЛУГИ с факелами.

КОРОЛЬ. Как наш племянник чувствует себя?

ГАМЛЕТ. Право, лучше некуда. Как каплун, сидящий на диете хамелеона. Поглощаю воздух, фаршированный обещаниями.

КОРОЛЬ. Ответ не по адресу, сын мой. Я тут ни при чем.

ГАМЛЕТ. Тогда я ничего и не говорил, отец. (ПОЛОНИЮ.) Сэр, вы, кажется, играли в студенческие годы?

ПОЛОНИЙ. Да, милорд, и говорят, весьма неплохо.

ГАМЛЕТ. А в какой роли?

ПОЛОНИЙ. В роли Юлия Цезаря. Я пал в Сенате от руки Брута.

ГАМЛЕТ. Брут поступил довольно круто, убив такого знатного овна. — Что актеры?

ПОЛОНИЙ. Ждут вашего сигнала, милорд.

КОРОЛЕВА. Милый Гамлет, давай сядем вместе.

ГАМЛЕТ. Я бы рад, матушка, но мой компас указывает на другой полюс.

ПОЛОНИЙ (КОРОЛЮ). Слыхали? То-то же.

ГАМЛЕТ. Миледи позволит лечь к ней на колени. (*Ложится к ногам ОФЕЛИИ.*)

ОФЕЛИЯ. Нет-нет, милорд.

ГАМЛЕТ. То есть лечь к ней на колени головой?

ОФЕЛИЯ. Пожалуйста, милорд.

ГАМЛЕТ. Я что-нибудь не то сказал?

ОФЕЛИЯ. Только то, что вам угодно было сказать.

ГАМЛЕТ. Это отлично придумано — возлежать промеж девичьих ног.

ОФЕЛИЯ. Что-что, милорд?

ГАМЛЕТ. Ничего-ничего, миледи.

ОФЕЛИЯ. Я вижу, вам очень весело.

ГАМЛЕТ. Мне? Весело?

ОФЕЛИЯ. А разве нет, принц?

ГАМЛЕТ. О Господи! Прикажите — и я в пляс пущусь. Что, разве я не человек? Посмотрите: вот и матушка смеется, хотя после смерти отца не прошло и двух часов.

ОФЕЛИЯ. Нет, милорд, прошло дважды два месяца.

ГАМЛЕТ. В самом деле? Тогда долой траур — и пусть дьявол ходит в соболях. Надо же, умереть два месяца назад и все еще жить в памяти! Не исключено, что великого человека будут помнить

в три раза дольше. Но, клянусь Богородицей, этому человеку следует заблаговременно позаботиться о церквах, не то его ждет эпитафия, как на могиле карнавального конька-горбунка: «О Боже, на века забыли скакунка!»

Играют гобои. Начинается пантомима.

Входят КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА, влюбленно беседуя. Она обнимает его, он — ее. Она встает на колени и клянется ему в верности. Он поднимает ее и кладет голову ей на плечо. Потом ложится в цветущую траву и засыпает. Она уходит, чтобы ему не мешать. Вдруг входит ЧЕЛОВЕК, снимает с короля корону, целует ее, вливает яд в ухо спящему и уходит. КОРОЛЕВА возвращается, видит умершего супруга и изображает скорбь. Возвращается ОТРАВИТЕЛЬ с ПОДРУЧНЫМИ и деланно сокрушается вместе с ней. Труп короля уносят. ОТРАВИТЕЛЬ пытается подарками соблазнить КОРОЛЕВУ. Она сперва возмущается и кажется неприступной, но потом сдается. Уходят.

ОФЕЛИЯ. Что это такое, милорд?

ГАМЛЕТ. Тайнственное злодейство, а если точнее, убийство.

ОФЕЛИЯ. Видимо, нам показали вкратце сюжет пьесы?

Входит ПРОЛОГ.

ГАМЛЕТ. Слушайте внимательно актеров: они совершенно не умеют держать язык за зубами.

ОФЕЛИЯ. Этот актер растолкует показанную нам пантомиму?

ГАМЛЕТ. И пантомиму, и все, что вы рассудите за благо ему показать. Вы покажете ему — он растолкует вам. Только не стыдитесь показывать, а у него стыда нет и в помине.

ОФЕЛИЯ. Вы просто несносны. Все, я слушаю пьесу.

ПРОЛОГ. Мы вам поведаем сейчас

О смерти и любви рассказ.

Но не судите строго нас.

ГАМЛЕТ. Это пролог или девиз на гербе?

ОФЕЛИЯ. Да, для пролога коротковато.

ГАМЛЕТ. Не длиннее женской любви.

Входят ДВА АКТЕРА — КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Уж тридцать лет вседневно Аполлон

В карете огибает небосклон,

И три десятка дюжин тусклых лун

Увидели Теллура и Нептун,
С тех пор как наши руки и сердца
Под сенью Гименеева венца.

АКТЕР-КОРОЛЕВА. О, если бы любви взаимной срок
Для нас удвоил всемогущий рок.
Но, Боже мой, вы так сейчас больны,
Так утомляют вас дела страны,
Что страх за вас мою терзает грудь.
Но пусть вас это не гнетет ничуть.
Любовь и страх у женщины в крови.
Где нет его, не видно и любви.
Свою любовь я доказала вам,
Но страсть моя со страхом пополам.
Большой любви и вздор внушает страх:
Любовь и страх растут как на дрожжах.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Увы, пришла пора расстаться нам.
Я слабну не по дням, а по часам.
А ты живи, чаруя красотой,
Подлунный мир. И, может быть, другой
Супруг...

АКТЕР-КОРОЛЕВА. О замолчи! Быть мне в аду,
Когда другого мужа я найду!
Вторично в брак вступает только тот,
Кто первого супруга изведет.

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Крапивою, крапивою по ушам!

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Второй союз не страстью освящен:
Своекорыстие его резон.
В гробу перевернется милый друг,
Когда ко мне войдет второй супруг.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Не верить не могу твоим словам.
Но, право, не до слов порою нам.
Когда мы любим, клятвам грош цена:
Исчезло чувство — снизилась она.
Родятся клятвы в сумраке ночном
И сиротливо умирают днем.
Так падают набухшие весной
Плоды с ветвей осеннею порой.
И потому забвенье нам дано:
От клятв освобождает нас оно.
Чередованьем радостей и бед
Мечтанья наши сводятся на нет.
Переমেжаясь, радость и беда
Друг друга проникают без труда.

Но если так изменчив белый свет,
В любви и вовсе постоянства нет.
Вопрос открытый, кто кому раба:
Любовь — судьбе или любви — судьба.
Друзей не сыщет павший фаворит,
А новому и враг благоволит.
Каприз судьбы или игра страстей?
Кому-то нет покоя от друзей;
А кто-то в горе узнает о том,
Как лучший друг становится врагом.
Вот и выходит, что всеильный рок
Встает затеям нашим поперек.
Поскольку замышляется одно,
А делом стать другому суждено.
Так и тебе противен брак второй,
Пока не стала в первом ты вдовой.

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Ослепнуть мне, погибнуть без еды,
Томиться днем, ночами ждать беды;
Отчаясь, разувериться во всем
И в келье грех замаливать потом;
Все, от чего мертвеет счастья взор,
Носить в душе мечтам наперекор;
Стенать как в этой жизни, так и в той,
Когда супругом станет мне другой!

ГАМЛЕТ. Ох и надует же она его!

АКТЕР-КОРОЛЬ. Что ж, ты клялась. Но я так изнурен
Дневною суетой, что краткий сон
Не помешает мне.

(Засыпает.)

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Усни, родной.
И дай нам Бог не встретиться с бедой.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Ваше впечатление от спектакля, миледи?

КОРОЛЕВА. На мой взгляд, эта госпожа преувеличивает свои возможности.

ГАМЛЕТ. О, эта госпожа сделает даже больше, чем может.

КОРОЛЬ. Вы знаете эту пьесу? Она пристойна?

ГАМЛЕТ. Вполне. Это шутка. Здесь, правда, отравляют, но шутя. Словом, пристойнее некуда.

КОРОЛЬ. Как, вы говорите, называется пьеса?

ГАМЛЕТ. «Мышеловка». Вы спросите, как это? Я отвечу: аллегорически. В свое время эта история наделала в Вене много шума. Это — герцог Гонзаго, это — его жена Баптиста. Дельце, сами увидите, довольно гнусное. Но нам-то что? Ни к вам, ваше величество, ни к нам, безгрешным, это отношения не имеет. Пусть кляча корячится, если у нее зудит холка, а на нас хомута нет.

Входит ЛУЦИАН.

Это вышел Луциан, племянник герцога.

ОФЕЛИЯ. Вы могли бы стать корифеем греческого хора, милорд.

ГАМЛЕТ. Я бы мог прокомментировать ваше любовное свидание с помощью этих марионеток, миледи.

ОФЕЛИЯ. Сколько в вас яда, милорд.

ГАМЛЕТ. Да, прежде чем мое жало его лишится, вы изрядно постонете.

ОФЕЛИЯ. Это наконец сверх всякой меры!

ГАМЛЕТ. Желаю того же вашему будущему мужу. — Убийца, начинай, сифилисная твоя рожь! Перестань кривляться — и за дело. Как там у вас: «Пророчит смерть раскаркавшийся ворон!»

ЛУЦИАН. Он спит. Час пробил. Пуст притихший сад.

Ад в сердце, сила в мышцах, в склянке яд:

Отвар из трав Гекатовых, в три раза

Вреднее и заразнее проказы,

Чудовищною мощью колдовства

Смертельный для живого существа.

(Вливает яд в ухо СПЯЩЕМУ.)

ГАМЛЕТ. Этот Гонзаго на самом деле был отравлен в саду, а убийца овладел тронem. Эта чудесная итальянская хроника изложена великолепным итальянским языком. Смотрите: сейчас отравитель уломает жену Гонзаго.

ОФЕЛИЯ. Король встает!

ГАМЛЕТ. Петарды испугался?

КОРОЛЕВА. Что с вами, государь?

ПОЛОНИЙ. Актеры, прочь!

КОРОЛЬ. Огня! Живей!

ВСЕ. Огня, огня, огня!

(Все, кроме ГАМЛЕТА и ГОРАЦИО, уходят.)

ГАМЛЕТ. Подранок-лань лежит в кустах,
Олень — бежит вперед.
Те — спят, а эти — на часах.
Так день за днем идет.

А что, сэр, если к этому еще и шляпу с пером да пару стоптанных туфель с прованскими розами, то, обернись ко мне Фортуна турком, взяли бы меня в актеры?

ГОРАЦИО. На полставки.

ГАМЛЕТ. Нет, на полную.

Всходил Юпитер на престол,
Но вскоре умер он.
И вот на трон, мой друг Дамон,
Воссел большой... павлин.

ГОРАЦИО. А почему не в рифму, милорд?

ГАМЛЕТ. Милый Горацио, слова духа стоят тысячи фунтов!

Ты уловил?

ГОРАЦИО. А как же, милорд.

ГАМЛЕТ. Когда играли отравление?

ГОРАЦИО. Если верить глазам.

ГАМЛЕТ. Ха-ха-ха-ха! Эй, музыку сюда!

Что ж, раз король утратил интерес
К одной из самых интересных пьес,
Ко мне, флейтисты! Музыка, греми!

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *возвращаются.*

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милейший принц удостоит нас несколькими словами?

ГАМЛЕТ. Хоть целой историей, сэр.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Его величество, милорд...

ГАМЛЕТ. В самом деле, сэр, что это с ним?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Они уединились в совершенном расстройстве.

ГАМЛЕТ. С расстройством желудка? Это, наверное, с перепоем.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Нет, милорд, скорее от желчи.

ГАМЛЕТ. Обратитесь к личному врачу его величества, это будет гораздо разумней. Моя микстура может сделать короля еще более желчным.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Прошу вас, милейший принц, держаться в своей речи некоторого стержня и не сторониться в каком-то испуге сути дела.

ГАМЛЕТ. Считайте, что вы меня стреножили. Излагайте.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Ваша огорченная до глубины души августейшая матушка поручила нам пойти к вашему высочеству...

ГАМЛЕТ. Я вас приветствую.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Простите, милейший принц, теперь не до этикета. Либо — если вы соблаговолите дать нам нормальный ответ — мы выполняем просьбу вашей матушки, либо, с вашего разрешения, откланиваемся, и дело с концом.

ГАМЛЕТ. Не дам, сэр.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Чего, милорд?

ГАМЛЕТ. Нормального ответа — ведь я, если помните, не совсем нормален. Вам, то есть моей матери, придется обойтись ненормальным ответом. Однако все это побоку. Вы говорите, моя мать...

РОЗЕНКРАНЦ. Вот именно. По словам вашей матушки, она крайне потрясена вашими выходками.

ГАМЛЕТ. Потрясающе! Редкий сын способен потрясти мать до такой степени. Что же трусит вслед за этим потрясением, не подскажете?

РОЗЕНКРАНЦ. Она просит вас перед сном зайти к ней в будуар для разговора.

ГАМЛЕТ. Повинуемся, будь она нашей матушкой хоть десять раз подряд. Что еще вам надо от меня?

РОЗЕНКРАНЦ. Вы когда-то хорошо ко мне относились, принц.

ГАМЛЕТ. Да, и мое отношение к вам не переменилось, клянусь этими ворюгами и хапугами! (*Указывает на свои руки.*)

РОЗЕНКРАНЦ. Милейший принц, что вас так возбуждает? Вы отказываетесь поделиться с верными друзьями своими бедами и тем самым сжигаете за собой все мосты.

ГАМЛЕТ. Сэр, я еще не всего добился в жизни.

РОЗЕНКРАНЦ. Как же так? Разве король во всеуслышание не объявил вас своим наследником?

ГАМЛЕТ. Вы правы, но «пока травка подрастет...» — что там говорит о голодной лошади народная мудрость?

Возвращаются МУЗЫКАНТЫ с флейтами.

(ОДНОМУ МУЗЫКАНТУ.) Любезный, дайте-ка мне посмотреть вашу флейту. — Осадите назад! И что это вы отираетесь у меня за спиной? Можно подумать, вы подкрадываетесь ко мне с наветренной стороны, чтобы загнать в западню.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милорд! Моя услужливость проявляется с излишней настойчивостью только потому, что моя любовь к вам лишена деликатности.

ГАМЛЕТ. Мудрено выражается. Лучше сыграйте на флейте.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Но я не умею, милорд.

ГАМЛЕТ. Но я же вас прошу.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Честное слово, не умею.

ГАМЛЕТ. Ну ради меня.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Я даже не знаю, как ее и в руки-то брать.

ГАМЛЕТ. Это так же просто, как лгать. Перебирайте пальцами эти клапаны, ртом дуйте в это отверстие, и благодаря вам неизреченная музыка вырвется на свободу. Вот, посмотрите.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Но я не могу всем этим распорядиться. Я не музыкант и с гармонией не в ладах.

ГАМЛЕТ. Понимаете теперь, в какое ничтожество вы меня превращаете? Вы беретесь играть на мне; вы собираетесь распоряжаться моими клапанами; вы намерены извлечь из меня тонику моей тайны; вы хотите манипулировать моими регистрами; вы смеете, черт вас возьми, ставить меня ниже флейты, хотя и не можете вытянуть ни звука из нее, из этого органа в миниатюре, наполненного изумительной музыкой. Можно считать меня каким угодно инструментом, можно порвать мои струны, но играть на мне — невозможно.

Входит ПОЛОНИЙ.

Храни вас Бог, сэр!

ПОЛОНИЙ. Милорд, ее величество с нетерпением ожидает вас.

ГАМЛЕТ. Вон облако, похожее на верблюда, видите?

ПОЛОНИЙ. Клянусь Богом, милорд, вылитый верблюд!

ГАМЛЕТ. Я хотел сказать, похожее на крысу.

ПОЛОНИЙ. Да, у этого верблюда спинка, как у крысы.

ГАМЛЕТ. То есть, как у кита.

ПОЛОНИЙ. Точно, как у кита.

ГАМЛЕТ. Ладно, я иду к матери. (*В сторону.*) С ними в самом деле рехнуться можно. — Скажите ей, что я уже иду.

ПОЛОНИЙ. Я так и передам.

ГАМЛЕТ. «Уже!» — не так все просто. — Ступайте, господа.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

Сейчас начало шабаша ночного:

Повеет адом, встанут мертвецы.

И я бы мог сейчас — что там убить! —

Упитья кровью, от чего наутро

Пришел бы в ужас. Стоп! Меня ждет мать.

О, сердце, человеческим останься,

Жестоким, но не до остервененья,

В грудь сына дух Нерона не вселяй!

Кинжал речей на меч я не сменяю,
Перед самым собою лицемеря.
Зато упрек мой будет тем больней,
Что я решил не прикасаться к ней!

(Уходит.)

Сцена третья

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ. Нам он противен да и посягнуть
На нас безумец может. Посему:
Вот вам бумага, живо собирайтесь
И в Англию плывите вместе с ним.
Он одержим, к тому же — наш наследник,
И в этом заключается опасность,
Какою нам нельзя пренебрегать.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы в путь готовы, добрый государь.
О, сколь свята и праведна боязнь —
Лишить опоры подданных своих,
Которым вы даете кров и пищу!

РОЗЕНКРАНЦ. Борясь со злом, обычный человек
Всю мощь своей души бросает в бой.
Тем более обязан защищаться
Тот, от судьбы которого зависит
Существование множества людей.
Кончина короля, как водоверть,
Затягивает всех, кто подвернется.
Вот если, предположим, колесо,
Стоящее на горном перевале
При помощи бесчисленных растяжек, —
Качнется ненароком — в тот же миг
Полопаются жалкие крепления.
Потом все рухнет. Так из года в год:
Король вздыхает — охает народ.

КОРОЛЬ. Прошу вас не оттягивать отъезд.

В смирительной рубашке надлежит
Быть этому ходячему кошмару.
РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.
Мы тотчас отправляемся, милорд.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Милорд, он в будуаре королевы.
Я из-за ширм за ними послежу.
Ведь нужен, как заметили вы тонко,
Свидетель, понадежнее, чем мать:
Истолковать слова родного сына,
Она не сможет так, как надлежит.
Все, мне пора. А вы бы не ложились —
Я перед сном с известием приду.
КОРОЛЬ. Я буду ждать. Спасибо, добрый друг.

(ПОЛОНИЙ уходит.)

Так согрешил я — тошно небесам.
На мне стоит печать братоубийцы,
Древнейшего преступника земли.
Я даже помолиться не могу;
Хочу и должен — но не в состоянье:
Слова молитв от крови тяжелы.
Я медлю, как слуга у двух господ,
Не знающий, какому угодить.
Да окунись я в кровь родного брата,
Ужели не смогли бы небеса
Мне руки окаянные умыть?
Вот милосердье, нечего сказать:
Колоть тебе глаза твоим грехом!
Зачем молиться, как не для того,
Чтобы паденья вовсе избежать,
А коль упал — вновь на ноги подняться?
Грех замолил — и не было греха.
Так как же мне прикажете молиться?
«Прости меня за то, что я убил»?
Немыслимо! Пойти на преступленье,
Чтоб обладать короной, королевой,
Почетом, ни о чем не сожалеть
И ожидать прощения за это?

Так, пользуясь порочностью людской,
Злодей богатый душист справедливость
И гнусными дарами поощряет
Продажный суд. На небе — все не так.
Там все твои дела как на ладони,
Там — сколько ни хитри — тебя заставят
Дать показанье о своих грехах.
Так что мне делать? На себе проверить
Божественную силу покаянья?
А если Бог на это не дал сил?
Нет, я свихнусь! В груди — чумная ночь!
И не отмыть помоями души —
Хоть утони в них. Ангел мой, спаси!
Согнитесь, ноги! Каменное сердце,
Стань сызнова младенчески невинным!
Все, может, образуется еще.

(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Вот бы его прихлопнуть за молитвой!
Пустячный труд — и он на небесах.
Вот и вся месть. Тут стоит поразмыслить.
В аду из-за мерзавца мой отец,
А я за это собственной рукою
Мерзавца в рай небесный отошлю?
Но так не мстят, скорей — благодарят.
Отец был после трапезы убит,
В соцветии грехов, как май в цветах.
Кто знает, как за то с ним разочлись?
Но, надо полагать, отцу пришлось
Довольно туго. Разве это месть —
Проткнуть врага, когда его душа
Чиста и к вознесению готова?
Конечно, нет!
Не время, шпага! Будет миг страшней!
Когда он выпьет, выйдет из себя,
Займется кровосмесною любовью,
За карты сядет, выбранится вслух,
За делом о Спасенье позабудет, —
Ты так его тогда ошеломи,
Чтоб, пятками сверкнув, он рухнул в ад
Вслед за своею черною душою.

Но мне пора. Ждет мать. — Молись пока.
Дай сроку мне еще два-три денька.

(Уходит.)

КОРОЛЬ *(вставая)*. Слова порхают, мысли — все при мне.
Одни слова на небе — не в цене.

(Уходит.)

Сцена четвертая

Покои королевы.

Входят КОРОЛЕВА и ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Когда придет, не церемоньтесь с ним.

Мол, совершенно стал невыносим;

Мол, за него вступившись, на себя

Вы приняли удар. Я тут засяду.

А вы возьмите сына в оборот.

ГАМЛЕТ *(за сценой)*. Сударыня, сударыня!

КОРОЛЕВА.

Явился!

Идите же. Все будет хорошо.

(ПОЛОНИЙ прячется за ковром.)

Входит ГАМЛЕТ

ГАМЛЕТ. Зачем вы звали, матушка, меня?

КОРОЛЕВА. Ты огорчаешь своего отца.

ГАМЛЕТ. Вы огорчили моего отца.

КОРОЛЕВА. Что это за бессмысленный ответ?

ГАМЛЕТ. Что это за бессовестный вопрос?

КОРОЛЕВА. Что ты сказал?

ГАМЛЕТ. Что слышали, мадам!

КОРОЛЕВА. Забыл, с кем говоришь?

ГАМЛЕТ. Как будто нет.

С супругой брата мужа, королевой

И — Боже правый! — с матерью моей!

КОРОЛЕВА. Тогда с тобой не так поговорят!

ГАМЛЕТ. Нет, сядьте! Да садитесь, я сказал!

Для вас я буду зеркалом — всмотритесь

И вы нутро увидите свое.

КОРОЛЕВА. В своем ли ты уме? Ко мне! На помощь!

ПОЛОНИЙ *(за ковром)*.

На помощь! Помогите!

ГАМЛЕТ.

Что там? Крыса?

(Прокалывает ковер.)

Попал, дукат поставлю, что попал!

ПОЛОНИЙ *(за ковром)*. Я умираю!

(Падает и умирает.)

КОРОЛЕВА.

Что ты натворил!

ГАМЛЕТ. В чем дело, собственно? Там был король?

КОРОЛЕВА. Кровавое и гнусное убийство!

ГАМЛЕТ. Убийство? А по мне, оно не хуже,

Чем выйти замуж за убийцу мужа.

КОРОЛЕВА. Убийцу мужа?

ГАМЛЕТ.

Точно так, миледи.

(Отбрасывает ковер и видит ПОЛОНИЯ.)

А, это ты, фигляр и надоеда!

Прости! Я думал, здесь крупнее дичь.

Вини судьбу и собственное рвенье. —

А вы, чем руки-то ломать, садитесь.

Я сердце попытаюсь вам сломать.

И коль оно не вовсе очерствело

И медью повседневного разврата

Чувствительность не залита его,

То я все сердце вам переломаяю.

КОРОЛЕВА. Чем заслужила я такую брань?

ГАМЛЕТ. Тем, от чего невинность продается,

Молитва превращается в божбу,

Честь изменяет, гнойное клеймо

На лбу любви священной расцветает

И под венцом торгуется жених;

Вы сделали такое, от чего

Пророчит бойню мирный договор,

Священник богохульствует с амвона,

И обагрил небесную твердыню
Кровавый сполох Страшного суда —
Вот вам итоги вашего деянья.

КОРОЛЕВА. Помилуй, что же это за деянье,
Пролог которого громоподобен?

ГАМЛЕТ. Прошу сравнить вот эти два портрета.

На них два брата запечатлены.
Как благородна внешность одного!
Гипериона вьющиеся кудри,
Взор Марса, повелительный и грозный,
Кронида благородное лицо,
Сложение Меркурия-герольда,
Спустившегося только что с небес.
Вот, словом, человека образец,
В котором чуть не каждый олимпиец
Какой-либо чертою предстает.
И это был покойный ваш супруг.
А вот живой, который колос брата
Своим чертополохом задушил.
Чем вы смотрели? Как же вы могли,
Про луг высокогорный позабыв,
Соломой полусгнившею питаться?
Чем вы смотрели? Вы же не девчонка,
Чтоб разума лишаться от любви.
Какой же надо разум, чтоб назвать
Не этого прекрасным, а того?
Живете вы, живут и ваши чувства,
Но, видно, спят без просыпу они.
Не оплошал бы так и слабоумный.
Не столь безумье убивает мозг,
Чтоб истребить подобное несходство.
Или глаза отвел вам сатана?
Да будь вы даже слепы — осязанье,
Слух, обонянье, слабенький росток
Естественного чувства не дадут
Так обмануться.
И щеки не краснеют от стыда?
Уж если бес в ребро толкает женщин,
То пусть невинность в пламени своем
Расплавится, как воск. Бесстыдству слава!
И пусть огонь безумствует, с тех пор
Как пышет жаром холод, а желаньям
Пособничает разум!

КОРОЛЕВА.

Гамлет, хватит!

ГАМЛЕТ. Падать на постель,
Пропитанную потом, как в притоне,
От похоти сгорать, совокупляться
В зловонных нечистотах...

КОРОЛЕВА. Хватит, хватит!
Кинжалы слов язвительных твоих
Мне вспарывают уши!

ГАМЛЕТ. С душегубом!
Презренный раб! Пьеро, а не король!
Не стоящий двухсотой доли брата.
Бессовестный воришка-узурпатор,
Что золотой венец облюбовал
И прикарманил!

КОРОЛЕВА. Хватит, хватит, хватит!

ГАМЛЕТ. Король в заплатах...

Входит ПРИЗРАК.

Господи, помилуй!

Что вашему величеству угодно?

КОРОЛЕВА. О Боже мой! Да он сошел с ума!

ГАМЛЕТ. Зачем явились вы? Меня бранить
За то, что я возможность упустил
Исполнить ваш ужасный приговор?

ПРИЗРАК. Да, Гамлет, я пришел, чтоб разбудить
Намеренье уснувшее твоё.
Но посмотри, как напугал ты мать.
Спаси её рассудок потрясенный.
Незнакомое женщин тяготит.
Утешь её.

ГАМЛЕТ. Что с вами, госпожа?

КОРОЛЕВА. Нет, что с тобою, Гамлет, происходит?
Не я гляжу с испугом в пустоту
И обращаю речь к себе самой.
Твои глаза безумия полны,
И, как солдаты, рвущиеся в бой,
Поднялись разом волосы твои.
Мой мальчик, охлади благоразумьем
Горячкой распаленные мозги.
К кому зываешь ты?

ГАМЛЕТ. К нему! К нему!

Узрев, как неестественно он бел,
Узнав его прихода подоплеку,
И камень взвоят. — Лучше не смотри!
Иначе я при мысли о тебе
Убить не в силах буду, — разрываюсь,
Не кровь, а слезы буду проливать.

КОРОЛЕВА. Да с кем ты говоришь?

ГАМЛЕТ. Смотрите лучше.

КОРОЛЕВА. Здесь, кроме нас, не видно никого.

ГАМЛЕТ. А голос вы слышали?

КОРОЛЕВА. Мой да твой.

ГАМЛЕТ. Неправда! Вот он, вот он, мой отец,
Он как живой, как будто бы воскрес.
Смотрите же, смотрите, он уходит!

(ПРИЗРАК уходит.)

КОРОЛЕВА. Нет, это бред рассудка твоего.

Болезнь души виденьями богата.

ГАМЛЕТ. Ах, бред рассудка! Нет, не болен я.

Стучит мой пульс, как метроном здоровья.

Сравните с вашим. Вовсе я не бредил.

Могу беседу нашу повторить.

Не смог бы сделать этого безумец.

Не сваливайте ради всех святых

Своих проступков на мою болезнь.

Не мажьте ложью рану ножевую:

Подсохнув, загноится изнутри.

Покайтесь Богу; прежние грехи,

Чтоб избежать грядущих, замолите;

Повыдирайте с корнем сорняки.

Прошу меня за искренность простить.

Таков наш подлый век, что добродетель

Приносит извинения распутству,

Ему во благо обуздав его.

КОРОЛЕВА. Ты на две части душу мне разбил.

ГАМЛЕТ. Вот и освободитесь от больной

И со здоровой частью оставайтесь.

Ложитесь спать. Но только без него.

Невинною припомните себя.

Привычка, притупляющая чувства,

Бывает добрым духом или злым;

Порой она людей преображает,

В сутану благочестья облачив.

Попробуйте сегодня воздержаться,
Потом перенесете легче пост,
А в следующий раз — гораздо легче.
И так, клеймо порока вытравляя,
Смирите или умертвите плоть.
Спокойной ночи. Если ж вам угодно
Меня благословить, то наперед
Благословенье неба получите.

(Указывает на ПОЛОНИЯ.)

Мне жаль его. Но волею небес
Я стал герольдом их и палачом
И покарал его. А он — меня.
Я дам ему приют и искуплю
Свое злодейство. Все. Спокойной ночи.
Я из любви бесчеловечным стал.
Каков зачин, таков же и финал.
Хотя, миледи...

КОРОЛЕВА. Что же, что мне делать?

ГАМЛЕТ. Обратное тому, о чем прошу.

Когда к вам в спальню лже-король придет,
Игриво шлепнет, мышкой назовет
Иль, грязное желанье утолив,
Вам шею станет щупальцами гладить,
Ему вы и поведайте о том,
Что вовсе не лишился я ума,
А притворяюсь. Почему бы нет?
Кто, кроме умной, милой королевы,
Кто, кроме вас, коту, кожану, жабе
Еще доставит такую радость?
Пожалуйста: в беспамятстве взберитесь
На голубятню, выпустите птиц
И попытайтесь, как они, взлететь,
Подобно всем известной обезьяне, —
Чтобы костей, сорвавшись, не собрать.

КОРОЛЕВА. Клянусь тебе: когда словами дышат,

Дыханием живут, — я не дышу,

Чтоб эту тайну выдохнуть ему.

ГАМЛЕТ. Вы знаете, я в Англию плыву?

КОРОЛЕВА. Ты мне напомнил: так решил король.

ГАМЛЕТ. Написаны и письма и приказ.

А два приятеля, друзья мои,

Точнее две гремучие змеи

Взялись меня в ловушку заманить.
Ну что ж, посмотрим! То-то будет смех,
Когда они на свой заряд наткнутся!
Свой собственный я должен под него
Во что бы то ни стало заложить
И по ветру предателей развеять.
Жду не дождусь я сладостного мига,
Когда в интригу врежется интрига! —
А труп куда девать? Снесу во двор. —
Спокойной ночи. Леди, полюбуйтеcь:
Шпион-то стал серьезен, мрачен, тих,
А раньше чушь молот за семерых. —
Простите, сэр, но вам пора идти. —
Спокойной ночи, матушка моя.

(ГАМЛЕТ, волоча ПОЛОНИЯ, уходит.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦ
и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ. Из-за чего вздыхаете вы так?
Вы чем-то опечалены? Скажите.
Где Гамлет?

КОРОЛЕВА. Удалитесь, господа.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

Ах, государь мой, что тут ночью было!
КОРОЛЬ. А именно, Гертруда? Где ваш сын?
КОРОЛЕВА. Бушует он, как ветер и вода,
Когда они ведут единоборство.
В полубреду почудилось ему
За штормой шевеленье. С криком «Крыса!»
Он шпагу выхватил и старика
Смертельно ранил.

КОРОЛЬ.

Милостивый Боже!

А будь мы там, и нам несдобровать.
Воистину, пока на воле он,
Дамоклов меч над нами занесен.
Кого теперь в убийстве обвинят?
Меня и вас. Ведь это был наш долг —
Безумца укротить и содержать
Подальше от людей. А все любовь!
Из-за нее бездействовали мы
И молча наблюдали — словно те,
Кто подцепил французскую болезнь,
И проглядел, как сгнило все нутро.
И где же он теперь?

КОРОЛЕВА.

Придя в себя,

Он мертвеца решил похоронить.
Вот тут его недуг и проступил,
Как редкий самородок сквозь песок:
Мой Гамлет о содеянном скорбит.

КОРОЛЬ. Идем со мной. Задолго до того,

Как за горою скроется светило,
Он выйдет в море. Нам же предстоит
Употребить всю нашу власть и хитрость,
Что расхлебать все это. — Гильденстерн!

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *возвращаются.*

Кого-нибудь на помощь позовите.
Принц в бешенстве Полония убил,
А тело спрятал. Вы должны узнать
Поделикатней, где оно, и в церковь
Его снести. Пожалуйста, быстрее.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *уходят.*)

Идем, Гертруда. Лучшим из друзей
Поведаем в подробностях о том,
Что здесь нехстати так произошло.
Даст Бог, тысячеустая молва,
Взрывающая мир, на это раз
Снаряд свой ядовитый в пустоту
Направит, как неопытный пушкарь,
И нашу честь спасет. Идем скорей.
Сомнение и страх в душе моей.

(*Уходят.*)

Сцена вторая

Другая комната в замке.

Входит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Все шито-крыто.

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *(за сценой)*.

Гамлет! Принц! Принц Гамлет!

ГАМЛЕТ. Кто там кричит? Кому там Гамлет нужен?

Ах, этим!

Входят РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

РОЗЕНКРАНЦ. Принц, куда вы дели труп?

ГАМЛЕТ. Вернул останки матери-земле.

РОЗЕНКРАНЦ. Нам велено их в церковь отнести.

ГАМЛЕТ. Не думайте о том.

РОЗЕНКРАНЦ. О чем не думать.

ГАМЛЕТ. О том, что я, раскрывший ваши планы, открою вам свои. Еще чего не хватало — секретничать с губкой! Что может быть общего у нее с сыном короля? Разве что мыло.

РОЗЕНКРАНЦ. По-вашему, я — губка, милорд?

ГАМЛЕТ. Да, сэр, именно губка, которая стремится быть как можно ближе к королю, чтобы впитывать всевозможные почести, поощрения и привилегии. Впрочем, такие, как вы, — лучшие слуги короля. Он держит вас про черный день, как обезьяна, которая хранит яблоки за щекой: сует их в рот в первую очередь, глотает — в последнюю. Если королю требуется впитанная вами влага, он вас, отжав — как губку! — оставляет в покое до следующего раза.

РОЗЕНКРАНЦ. Это выше моего понимания, милорд.

ГАМЛЕТ. Это неудивительно. Тупое ухо к остроумцам глухо.

РОЗЕНКРАНЦ. Милорд, укажите нам, где тело, и следуйте за нами к королю.

ГАМЛЕТ. Король — это уже какое-то тело, однако сидит без тела... Впрочем, король — это нечто такое...

РОЗЕНКРАНЦ. Какое такое?

ГАМЛЕТ. Пустое. Идемте к королю. Тише, мыши, кот на крыше...

(Уходят.)

Сцена третья

Другая комната в замке.

Входят КОРОЛЬ и ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ. Труп не нашли, и принца не ведут.

Пока он на свободе — горе нам.

Нельзя с ним по закону поступить.

К нему равнодушна гольтьба,

В любви не отдающая отчета.

Расправой правосудье назовут

Все эти горлопаны из толпы.

Но если мы сумеем объяснить

Отплытие принца нуждами страны,

Все будет чисто. Так для исцеленья

Болезненные средства применяет,

Рискуя жизнью, тяжелобольной.

Входит РОЗЕНКРАНЦ.

Ну, наконец-то! Что у вас стряслось?

РОЗЕНКРАНЦ. Он, государь, нам так и не сказал,

Куда девал останки.

КОРОЛЬ.

Где же он?

РОЗЕНКРАНЦ. В приемной, под охраной, государь.

Что будет вам угодно приказать?

КОРОЛЬ. Сюда его давайте.

РОЗЕНКРАНЦ.

Гильденстерн!

Сюда ведите принца!

Входят ГАМЛЕТ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ.

Где Полоний?

ГАМЛЕТ. Пошел на ужин.

КОРОЛЬ.

То есть как — пошел?

ГАМЛЕТ. Туда, где он — еда, а не едок. Именно сейчас он собственной персоной дает ужин в империи червей. По части пищи там столько императоров — просто кишат. И то сказать, мы воспитываем домашний скот для пропитания, чтобы стать пищей для червей, питающихся нами. Для них упитанный король и испитой бедняк — всего лишь перемена кушаний во время одного бесконечного обеда, два различных блюда, и только.

КОРОЛЬ. Увы!

ГАМЛЕТ. Порою нищий удит на червя, отдававшего короля, чтобы отведать рыбки, которая отведала этого червя.

КОРОЛЬ. Что ты имеешь в виду?

ГАМЛЕТ. Ничего особенного. Только то, каким образом король мог бы изучить нищету изнутри.

КОРОЛЬ. Оставим это. Где Полоний?

ГАМЛЕТ. На небесах. Прикажите вашим слугам поискать там. Если они его не обнаружат в той стороне, поищите его сами — в противоположной. Если же и вам не повезет, то через месяц сработает ваше чутье, когда вы будете идти по лестнице, ведущей на галерею.

КОРОЛЬ (ПРИДВОРНЫМ). Немедленно идите туда.

ГАМЛЕТ. Он вас уже жаждался, господа.

(ПРИДВОРНЫЕ *уходят.*)

КОРОЛЬ. Мой Гамлет, хоть убитый нам и дорог,

Ты как-никак наш сын, и посему

Тебя мы шлем подальше от греха.

Поэтому спешి, как от огня.

На рейде судно, ветер в парусах,

Команда на борту, а капитан

На Англию прокладывает курс.

ГАМЛЕТ. На Англию?

КОРОЛЬ. На Англию.

ГАМЛЕТ. Чудесно!

КОРОЛЬ. Иначе ты бы, Гамлет, не сказал,

Сумей желанья наши прочитать.

ГАМЛЕТ. Я знаю духа, что читает их. Однако, в путь! В Англию! Прощайте, милая матушка.

КОРОЛЬ. То есть дорогой батюшка.

ГАМЛЕТ. Это одно и то же. Отец и мать — муж и жена, муж и жена — одна плоть; следовательно, вы мне мать. Итак, в путь! В Англию! (*Уходит.*)

КОРОЛЬ. За ним бежать, грузиться поскорей.

Чтоб к вечеру здесь не было его.

Готовы и бумаги и корабль.

Ступайте. Не теряйте ни минуты.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *уходят.*)

И если уважаешь ты меня —

Как и мое оружие, Англичанин, —

А ты в крови от датского меча

И без напоминания везешь
Назначенную дань, — не отнесешься
Прохладно к повеленью сюзерена
И Гамлета немедленно прикончишь.
На помощь, Англичанин! Выручай!
Меня он, как чахотка, источил.
Спаси меня! Пока не умер он,
Мне не на радость будет этот трон.

(Уходит.)

Сцена четвертая

Равнина в Дании.

Входят ФОРТИНБРАС, КАПИТАН и СОЛДАТЫ.

ФОРТИНБРАС. Датчанину скажите, капитан,
Что Фортинбрас приветствует его
И что мы Данию пересекаем
Согласно договору. Если что,
Я лично нанесу ему визит.
Я жду вас на привале. Все понятно?

КАПИТАН. Так точно, сэр.

ФОРТИНБРАС. Отряд, короче шаг!

(ФОРТИНБРАС и СОЛДАТЫ уходят.)

Входят ГАМЛЕТ, РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

ГАМЛЕТ. Сэр, чьи это полки?

КАПИТАН. Норвежцев, сэр.

ГАМЛЕТ. Куда идут?

КАПИТАН. На Польшу.

ГАМЛЕТ. Кто начальник?

КАПИТАН. За старика Норвежца Фортинбрас,
Его племянник.

ГАМЛЕТ. Вся ль нужна вам Польша

Иль, может быть, провинция одна?

КАПИТАН. Сказать по чести, времени не тратя,

Хотим оттяпать мы кусок земли,
Который слова доброго не стоит.
Давай его мне даром — не возьму.
Ни Польша, ни Норвегия не смогут
Ту землю ни продать, ни подарить.

ГАМЛЕТ. Тогда им незачем обороняться.

КАПИТАН. Да, сэр, но их отряд на рубеже.

ГАМЛЕТ. За горстку пыли двадцать тысяч душ
И двадцать тысяч крон идут в расход.
Пусть ты здоров, богат, но заведись
В тебе такой вот червь, — и ты мертвец. —
Благодарю вас, сэр.

КАПИТАН. Храни вас Бог!

(Уходит.)

РОЗЕНКРАНЦ. Мы ждем вас, принц.

ГАМЛЕТ. Ступайте. Я сейчас.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

На что ни гляну — все мне здесь в упрек;
Все здесь меня подстегивает мстить.
Но если для тебя цель жизни в том,
Чтоб отправлять естественные нужды,
Ты разве человек? Ты просто зверь.
Ужель способность освещать умом
Грядущие и прошлые события
Вдохнула в нас божественная сила,
Чтоб этот светоч тлел, а не горел?
Мы или толстокожи по природе
Или стремимся все предусмотреть,
Продумать досконально мысль, в которой
Не столько смысла, сколько малодушья.
Поэтому я мститель на словах,
Хотя есть все, чтоб к делу перейти —
И сила, и причина, и возможность.
Все здесь меня корит. Вот, например,
Армаду войск ведет зеленый принц,
На крыльях честолюбия парящий;
Ему на будущее наплевать;
Играет он в смертельную игру,
Дразня Фортуны ради шелухи.
А может быть, великие не ищут

Причины подходящей для борьбы,
Но в бой идут из-за клочка земли,
Когда на карте честь? А у меня
Отец убит и мать развращена,
От гнева кровь кипит, а между тем,
Забывшись, я бессовестно глазею
На двадцать тысяч смертников, бредущих
Во имя славы призрачной на смерть —
Как на обед! — за землю, на которой
Несчастливым этим места не найти
Не то что для позиций, — для могил.
О я клянусь о крови думать впредь,
Чтоб или отомстить иль умереть!

(Уходит.)

Сцена пятая

Эльсинор. Комната в замке.

Входят КОРОЛЕВА, ГОРАЦИО и ДВОРЯНИН.

КОРОЛЕВА. Зачем я буду с нею говорить?

ДВОРЯНИН. Она безумна, видно по всему.

Участье ваше кстати ей сейчас.

КОРОЛЕВА. Не понимаю, это вы о чем?

ДВОРЯНИН. Она зовет отца, бранит весь мир,

Ломает руки, гневается, плачет

По пустякам и то ли говорит

О чем-то непонятном, то ли бредит.

Но тот, кто слышит этот полувздор,

В нем тайный смысл пытается постичь,

Сообразуясь с мыслями своими,

И видит в жестах, в мимике ее

Невнятное для смертных проявление

Иного, запредельного ума.

ГОРАЦИО. Поговорите с нею. Вид ее

В невежественных душах возбуждает

Зловредные догадки.

КОРОЛЕВА. Что ж, зовите.

(ДВОРЯНИН уходит.)

Моей душе, испорченной грехом,
Начало бедствий видится во всем.
Так лиходея, предчувствуя исход,
Себя боязнью выдать выдает.

Возвращается ДВОРЯНИН с ОФЕЛИЕЙ.

ОФЕЛИЯ. Где наша дорогая королева?

КОРОЛЕВА. Офелия, опомнись. Что с тобой?

ОФЕЛИЯ (*поет*). Чем любимый ваш не схож

С тем или с другим?

Он в сандалиях, с клюкой,

Бедный пилигрим.

КОРОЛЕВА. Ах, душечка, о чем ты нам поешь?

ОФЕЛИЯ. Прошу не прерывать. Еще не все. (*Поет.*)

Схоронили, госпожа,

Милого весной.

Черный камень подле ног,

Куст над головой.

Забыла, как там дальше...

КОРОЛЕВА. Офелия...

ОФЕЛИЯ. Я вспомнила. Постойте. (*Поет.*)

Саван, облака белей,

Нежные цветы.

Провожая милый прах,

Разрыдалась ты.

Входит КОРОЛЬ.

КОРОЛЕВА. Вы только посмотрите, государь!

КОРОЛЬ. Ну, как вы, дорогая?

ОФЕЛИЯ. Слава Богу! Говорят, дочка булочника стала совой.

Отец небесный! Ты открыл нам, кто мы есть, но скрываешь, что мы будем. Благослови Бог ваш ужин!

КОРОЛЬ. Бредит об отце.

ОФЕЛИЯ. Оставим это. А когда вас спросят, что вы об этом думаете, скажите так (*Поет.*)

В день Валентина поутру

Я вам шепчу в окно,

Что Валентиной вашей стать

Мне было суждено.

Ее сквозь сон услышал он,

Впустил и запер дверь.

И та, что девушкой была,
Не девушка теперь.

КОРОЛЬ. Бедная Офелия!

ОФЕЛИЯ. Ах, не мешайте! Дайте мне допеть. (*Поет.*)

О Боже мой! О срам какой!
Беда нам от юнцов.
Что захотят, то и творят.
Где стыд в конце концов?
Сулил взять в жены перед тем,
Как мне задрать подол...

А он ей на это:

Женился б я, но черт тебя
В постель ко мне привел.

КОРОЛЬ. И давно это с ней?

ОФЕЛИЯ. Поверьте, все уладится. Наберемся терпения. Но как вспомню, что он лежит в холодной земле, не могу не заплакать. А брат мой еще ничего не знает. Что ж, большое спасибо, вы мне очень помогли. Где моя карета? Спокойной ночи, дамы, спокойной ночи, милые вы мои. Спокойной ночи, спокойной ночи... (*Уходит.*)

КОРОЛЬ (ГОРАЦИО). Я вас прошу за нею последить.

(ГОРАЦИО *уходит.*)

В отцовской смерти пагубный источник
Ее недуга. Боже мой, Гертруда!
Беда, как вор, не ходит в одиночку,
А налететь с ватагой норовит.
Убит отец Офелии Полоний;
Затем ваш сын был вынужден бежать,
Наказанный за собственную глупость;
О гибели Полония твердит,
Мусоля слухи, подлая толпа;
Его мы зря украдкой погребли;
Офелия утратила рассудок —
То, без чего мы статуи иль звери.
И вот — что столь же важно! — брат ее,
Из Франции приехавший негласно,
Внимает ядовитой болтовне
Про смерть отца, мрачнее тучи бродит
И ничего не может понимать;
А значит — при отсутствии улики —
Возложит обвинения на нас.

КОРОЛЬ. Похож ты на восставшего титана.

Из-за чего, Лаэрт, развоевался?

Пусти, Гертруда, это не опасно.

Монарший сан настолько освящен,

Что, несмотря на громкие угрозы,

Изменникам король не по зубам. —

Скажи, Лаэрт, чего ты взбеленился? —

Пусти, Гертруда. — Что же ты молчишь?

ЛАЭРТ. Где мой отец?

КОРОЛЬ. Убит и погребен.

КОРОЛЕВА. Но не король здесь руку приложил.

КОРОЛЬ. Еще вопросы будут? Задавай.

ЛАЭРТ. Кем он убит? Но только не хитрить!

К чертям собачьим, в ад, в тартарары

Обязанности, клятвы, совесть, честь!

Мне вечные мученья нипочем!

На этом свете я или на том

Мне наплевать — убийце отомщу!

КОРОЛЬ. А что могло б тебя остановить?

ЛАЭРТ. Я сам; а мир восстанет — разнесу!

Какие ни на есть — но средства есть,

И я могу немало совершить.

КОРОЛЬ. Выходит, ты, дознавшись, кто убийца,

Сгребешь врага и друга — всех подряд,

Как, например, сгребает маклер ставки

Счастливых и не очень игроков?

ЛАЭРТ. Естественно, врагов.

КОРОЛЬ. И только их?

ЛАЭРТ. Другьям отца — отныне и моим —

Могу, как пеликан своим птенцам,

Отдать всю кровь.

КОРОЛЬ. Теперь мне отвечает

Сын своего отца и мой вассал.

То, что в кончине твоего отца

Не только не замешан я, но сам

Не устаю печалиться о нем,

Ясней, чем день, откроется тебе.

ДАТЧАНЕ (за сценой). Войти ей дайте!

ЛАЭРТ. Что там?

(Возвращается ОФЕЛИЯ.)

Пламя гнева

Расплавь мне мозг, разъешь глаза мне солью

Из семикратно выпаренных слез!
Возмездие мое, ты превзойдешь
Ее безумье! Роза красоты!
Сестра моя, Офелия, голубка!
Неужто девушке сойти с ума
Так же легко, как старцу умереть?
Неужто любящие так щедры,
Что часть себя, сокровище свое,
Шлют существу любимому вослед?

ОФЕЛИЯ (*поет*). Везли на дрогах мертвеца,
Но не закрыв ему лица.
Рыдали над могилой.
Прощай, мой голубь милый.

ЛАЭРТ. Будь не безумна, к мести призывай,
Сильнее ты б не воодушевила.

ОФЕЛИЯ. Пойте все: пора, пора, помирать ему пора. Какой
хороший припев. Это все вероломный домоправитель, который
соблазнил господскую дочку.

ЛАЭРТ. Бессмыслица, исполненная смысла.

ОФЕЛИЯ. Это розмарин, он для памяти; тебе на память, лю-
бимый. А вам анютины глазки, это для раздумий.

ЛАЭРТ. Урок безумной: память — плод раздумья.

ОФЕЛИЯ. Вам сладкий укроп и водосбор. Вам рута. Мне тоже
рута. Ее еще называют воскресной травой благословения. Но свою
руту вы приколите как-нибудь иначе. А вам маргаритки. Надо
было бы вам дать фиалки, но они все завяли в день смерти моего
отца. Говорят он отошел тихо. (*Поет.*)

Мой милый — Робин-весельчак.

ЛАЭРТ. В тоске и в муке и в аду безумья,
Сестра, ты и прекрасна и свята!

ОФЕЛИЯ (*Поет.*) Вернется ли он домой?
Вернется ли он домой?

Нет-нет, он убит,
Он в могиле спит
И вряд ли придет домой.
Был волосом он льняной
И бел, как снег, головой.
Он зарыт и ему
Наша скорбь — ни к чему.
Господь его упокой.

А с ним и всех усопших христиан. Аминь. — Помогите вам Бог!
(*Уходит.*)

ЛАЭРТ. Ты это видишь, Господи!

КОРОЛЬ.

Лаэрт,

И мы скорбим не меньше твоего.
И вот что предлагаем: собери
Своих друзей, какие потолковей,
И если уж они постановят,
Что так или иначе к преступленью
Причастны мы, то наше королевство,
Корону, жизнь, все наше забирай
Во имя правосудья. Если ж нет,
Терпением запасись, покуда мы,
Объединив усилия с тобой,
Твой души не успокоим.

ЛАЭРТ. Да уж!
Убийство и поспешный ритуал
Без шпага, трофеев и герба над гробом,
Попрание традиций вековых
Кричат громоподобно: отомсти,
Лаэрт, за это!

КОРОЛЬ. Я и сам хочу,
Чтобы злодей достался палачу.
Прошу идти за мной.

(Уходят.)

Сцена шестая

Другая комната в замке.

Входят ГОРАЦИО и СЛУГА.

ГОРАЦИО. Кто там хотел со мной поговорить?

СЛУГА. Сэр, вам письмо матросы принесли.

ГОРАЦИО. Зови их. В целом свете только Гамлет

Меня бы мог порадовать письмом.

(СЛУГА уходит.)

Входят МАТРОСЫ.

ПЕРВЫЙ МАТРОС. Храни вас Боже!

ГОРАЦИО.

Бог тебя храни!

ВТОРОЙ МАТРОС. Дай Бог, чтоб Он вас услышал! Вам письмо, сэр, от господина, который намеревался уйти в Англию, если вы — как нам сказали — и есть Горацио.

ГОРАЦИО (*читает письмо*). «Горацио, по прочтении моей записки, предоставь людям, ее принесшим, возможность вручить королю адресованные ему письма. И двух дней не были мы в пути, как нас взяли на abordаж вооруженные до зубов пираты. Проклиная тихоходность нашего парусника, мы встретили их с мужеством обреченных, причем я, в пылу боя, перескочил на борт пиратского судна. Захватив меня в качестве трофея, они тут же отчалили, и были таковы. Надо сказать, они обошлись со мной как джентльмены, но, будучи все же джентльменами удачи, потребовали от меня кое-каких услуг. Передай королю присланные мною письма и мчись ко мне со скоростью бежавшего с каторги. Я должен сказать тебе пару слов, от которых ты лишишься дара речи, хотя и они слишком слабы, чтобы выдержать груз всей правды. Эти славные парни проводят тебя ко мне. Розенкранц и Гильденстерн следуют прежним курсом в Англию. И о них я тебе кое-что скажу. Твой, и уверенный в том, Гамлет».

Пойдемте вручим письма, а потом
Бегом к тому, кто вам их передал.

(*Уходят.*)

Сцена седьмая

Другая комната в замке.

Входят КОРОЛЬ и ЛАЭРТ.

КОРОЛЬ. Теперь ты, подписавшись под словами
«Король не виноват», мне первый друг,
Поскольку понял сам, что твой отец
Убит рукой того, кто покушался
И на меня.

ЛАЭРТ. Все так. Но почему
Вы надлежащей не дали оценки
Противоправным подвигам его,
Поправшим жизнь, природу, здравый смысл?

КОРОЛЬ. Для этого имелись две причины,

Смешные, вероятно, для тебя,
Но для меня серьезные. Во-первых,
Души не чаёт в сыне королева,
А я — на радость или на беду —
К ней прилепился телом и душой;
И, как планете без своей звезды,
Мне без нее не жить. А во-вторых,
Не мог я гласно рассчитаться с тем,
Кого простонародье обожает.
Захлебываясь от любви к нему,
Толпа врага в святого превратит,
Как известковый ключ дерева — в камень.
И если б легковесную стрелу
Решился против ветра я пустить,
То самого б себя и подстрелил.

ЛАЭРТ. Выходит, я, утративший отца
И в бездну погруженную сестру,
Чьи качества — хоть и не к месту хвастать —
Ее б над нашим веком вознесли,
Лишен и права мести? Не согласен!

КОРОЛЬ. А ну уймись! Ты что, меня считаешь
Бессильным и безмозглым до того,
Что я позволю ради развлечения
За горло брать себя? Забудь и думать!
Прошу понять, что твоего отца
Любил король, как самого себя.
А кто себя не любит? Ты доволен?

Входит ГОНЕЦ.

Что у тебя?

ГОНЕЦ. От Гамлета посланья
Для вас и королевы, государь.

КОРОЛЬ. От принца? Кто тебе их передал?

ГОНЕЦ. Мне — Клавдио, а кто ему — не знаю.

КОРОЛЬ. Лаэрт, тебе прочесть? — А ты ступай.

(ГОНЕЦ уходит.)

(Читает.) «Великий и могучий! Спешу сообщить, что я практически голым высадился на берег вашей державы. Умоляю ваше величество допустить меня завтра перед свои светлые очи. Дозвольте мне припасть к вашим стопам и поведать в подробностях о моем неожиданном и почти чудесном возвращении. Гамлет».

Не понимаю! Все вернулись, что ли?
Иль тут подвох, и все наоборот?

ЛАЭРТ. А почерк принца?

КОРОЛЬ. Вроде бы его.
Взгляни на слово «голым». И в приписке:
«Я здесь один». Итак, что предпринять?

ЛАЭРТ. Как вам сказать? Но я его дождусь!
Заколотилось сердце у меня
От мысли, что в глаза ему я брошу:
«Убийца!»

КОРОЛЬ. Полно! Так ли, друг Лаэрт?
А ну как нет? Но так или иначе,
Ты хочешь, чтоб я вел тебя?

ЛАЭРТ. Хочу.
Не приведите только к примиренью.

КОРОЛЬ. Мириться не придется, Бог с тобой.
Но раз уж Гамлет чудом возвратился
И сплавить нам его не удалось,
То мы ему устроим западню,
В которой он погибнет, а меня
Дыханье подозренья не коснется.
И королева случай обвинит,
Который будет вовсе не случайным.

ЛАЭРТ. Я буду вам орудьем, государь,
И можете использовать меня,
Как вам угодно.

КОРОЛЬ. Так и порешим.
Здесь Гамлету, пока ты был в отъезде,
Все уши прожужжали про тебя,
Про твой, всех изумляющий, талант.
Лишь он один изо всего набора
Твоих достоинств принца раздражал,
Не знаю почему.

ЛАЭРТ. И что же это?

КОРОЛЬ. Перо на шляпе, нужное юнцу —
Но лишь перо. Забот не знает юность
И рядится в шелка, тогда как старость
Свои болезни прячет в соболя.
Два месяца назад тут был нормандец.
С французами я дрался и видал,
Как лихо держатся они в седле.
Но этот шевалье меня потряс.
Он, сидя как влитой на скакуне,
Такие трюки делал, что, казалось,

С конем он сросся — вылитый кентавр.
Я никогда б не мог предположить
В езде верхом такого совершенства.

ЛАЭРТ. Нормандец, говорите?

КОРОЛЬ. Да, нормандец.

ЛАЭРТ. Судьбой клянусь, — Ла Мор!

КОРОЛЬ. Ты угадал.

ЛАЭРТ. Еще бы нет! Чистейший бриллиант

В венце страны.

КОРОЛЬ. А он превозносил

Тебя за мастерство, какого ты
Достиг в искусстве самообороны,
И в частности, при помощи рапиры;
Он клялся, что с тобою состязаться
Не в силах тамошние дуэлянты;
Что изменяют им в бою с тобой
И глазомер, и ловкость. Эти речи
Существованье принца отравили.
Тебя он с нетерпеньем дожидался,
Чтоб в поединке испытать себя.
Вот случай.

ЛАЭРТ. Что за случай, государь?

КОРОЛЬ. Скажи, ты своего отца любил?

Иль у тебя бездушное лицо,
Как на холсте трагическом?

ЛАЭРТ. Не понял...

КОРОЛЬ. Не обижайся. Ты любил отца.

Но временем питается любовь
И, как мы видим, от него зависит,
Гореть ей или, вспыхнув, умереть,
Так как любви пылающий фитиль
Нагаром удушается порой.
Не вечны добродетели, и первой
Та погибает, что доведена
До крайности. Кто хочет сделать дело,
Тот должен к делу тут же приступить,
Не то «хочу» погибнет в проволочках,
Которых ровно столько, сколько есть
Сомнений, замыслов и обстоятельств.
А «должен» без «хочу» куда вредней,
Чем вздохи, расточающие жизнь.
Итак, о неприятном: прибыл принц.
Так что на деле, а не на словах
Ты с ним бы сделал из любви к отцу?

ЛАЭРТ. Пред алтарем бы горло перегрыз!
КОРОЛЬ. Да не спасет святилище убийцу!

Да грянет мечь! Однако, милый мой,
Сам ничего ты не предпринимай.
Мы Гамлету расскажем о тебе,
Напомним о твоём чудесном даре
И приукрасим ярче, чем француз,
Твои успехи. Проще говоря,
Устроим вашу схватку на пари.
Рассеянный и благородный принц,
Скорей всего, на шпаги и не взглянет,
А значит, ловкость рук употребив
И взяв себе заточенный клинок,
Ты можешь без особенных хлопот
Исполнить долг сыновний.

ЛАЭРТ. По рукам!

Для верности я смажу острие
У коновала купленную мазью.
Смертельна будет рана от ножа,
Напитанного этою отравой.
Уж если яд окажется в крови,
То не поможет и бальзам из трав,
Сбираемых с молитвой при луне.
Ту мерзость я на шпагу нанесу.
Один укол — и Гамлету конец.

КОРОЛЬ. Теперь, Лаэрт, нам надо обсудить,
Что может нам судьба преподнести.
Ведь если нам с тобой не повезет
Иль чем-нибудь мы выдадим себя,
То прахом все пойдет. Для подстраховки,
На случай, если лопнет первый план,
Необходим другой нам. Погоди-ка!
Итак, мы ставим на твоё искусство...
А, вот и выход!
Когда, сражаясь, принц захочет пить —
Старайся энергичней нападать,
Чтоб духа он не мог перевести, —
Я сам ему подам бокал с вином.
Так, если не от стали ядовитой,
То от глотка вина погибнет он. —
Вновь шум. Ни слова больше: королева!

Входит КОРОЛЕВА.

КОРОЛЕВА. Одна беда другую привела:

Офелия, бедняжка, утонула.

ЛАЭРТ. Как это — утонула?

КОРОЛЕВА. Утонула...

Где, отражаясь в зеркале речном,
Шумит листвою серебряная ива,
Офелия чудесные венки
Плела из маргариток и фиалок,
И пурпурных ятрышника цветов —
Их называют грубо пастухи,
А девушки печально — пальцы мертвых.
Она, держась за ветви, убирала
Подгнивший сук трофеями весны,
А тот переломился. Покачнулась
Офелия и, выронив цветы,
Скользнула в воду. Платье, пузырьясь,
Ей не дало мгновенно утонуть.
И девушка, не чувствуя беды,
Плыла себе наядою речной
И пела позабытые напевы.
Но, увлажнившись, платье увлекло
Певунью в гробовую тишину.

ЛАЭРТ. О горе! Утонула!

КОРОЛЕВА. Утонула!

ЛАЭРТ. Зачем я плачу? Ведь и без того
Тебе воды, Офелия, хватает.
Слаб человек: сгорая от стыда,
Рыдает, словно женщина, невольно,
Чтобы потом мужчиной снова стать.
Я ухожу. Горючие слова
В себе я этой влагой погасил.

(Уходит.)

КОРОЛЬ. Поверишь ли, Гертруда, еле-еле

Его я усмирил, и весь мой труд
Идет насмарку. Поспешим за ним.

(Уходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Кладбище.

Входят ДВА МОГИЛЬЩИКА с лопатами.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Разве Христос звал ее? Нет. А раз нет, не будут ее хоронить как христианку.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Тебя не спросили. Было следствие, и порешили хоронить по-христиански. Работай лопатой и не рассуждай.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. А спросить не мешало бы. На ее честь, кажется, никто не покушался, а она утопилась.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Это не твоего ума дело.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. А по-моему, без покушения на себя никак нельзя. Это очень важно. Если я топлюсь по своей воле — это мое дело, и как всякое дело его можно разложить на три части: замысел, подготовку и исполнение. *Арго:* она утопилась самовольно.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Постой, дружок...

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Нет, это ты постой! Допустим, здесь протекает река. Так. А это, допустим, человек. Так. Допустим, этот человек идет к реке и топитя. Как ни крути, но он идет сам. Понимаешь? И наоборот. Утони он при наводнении, ему ничего за это не будет. *Арго:* того, кто не посягал на свою жизнь, в самоубийстве ни за что не обвинят.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Что, есть такая статья?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. А как же! Статья о следствиях и последствиях.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Да брось ты! Говоря по совести, не будь она знатного роду, не видать бы ей христианского погребения.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Точно! Как это ни грустно, но их высокородия — в отличие от прочих братьев-христиан — имеют право пользоваться водой и петлей. Ладно, хватит болтать. Давай работай. Если хочешь знать, нет никого родовитее садовников, крестьян и могильщиков: они ведут свой род прямиком от Адама.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Ну, это ты уже загнул!

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Так! Ты, я гляжу, некрещеный. Библию, что ли, в руках не держал? В Библии говорится, что Адам пахал. А как бы он пахал без плуга? А задам-ка я тебе еще вопрос. Не ответишь правильно — расквасишься.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Валяй задавай.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Кто строит прочнее каменщика, плотника и корабеля?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Висельных дел мастер. Его изделие и после тысячи висельников устоит.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Славный ответ, нечего сказать. Виселица — штука нужная. Правда, нужна она только тем, кто делает зло. Если, по-твоему, виселица прочнее церкви, то ты просто закоренел во зле. Арго: виселица нужна тебе. Попробуй сызнава.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Ты хочешь знать, кто строит прочнее каменщика, плотника и корабеля?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Вот именно. Говори и проваливай.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. А вот и скажу!

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. И кто же?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. А никто!

Входят ГАМЛЕТ и ГОРАЦИО.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Зря старался. Ослиный у тебя умишко, дружок, под стать самому ослу. В другой раз отвечай так: могильщик. Его дома устоят до Страшного суда. А теперь сбегай к Йогену за бутылочкой.

(ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК уходит.)

(Копает и поет.)

Казалось мне, пока я был
Здоров и желторот,
Что на любовь достанет сил
Мне на сто лет вперед.

ГАМЛЕТ. Каким же надо быть бревном, чтобы копать могилу и петь.

ГОРАЦИО. Привычный труд вырабатывает равнодушие ко всему.

ГАМЛЕТ. Понимаю: натруженная ладонь не чувствует щекотки.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК *(поет)*. Вцепилась старости клешня
В меня средь бела дня,
И все девицы от меня
Бегут, как от огня.

(Выбрасывает из могилы череп.)

ГАМЛЕТ. Этот череп умел когда-то говорить или даже петь. А этот мошенник швыряет его, как челюсть Каина, первого братоубийцы. Может быть, это череп видного политика, который не шутя пытался провести Господа Бога, но в итоге пал куда ниже этого осла-могильщика. Могло это быть именно так?

ГОРАЦИО. Вполне, милорд.

ГАМЛЕТ. Или это прах царедворца, говорившего: «С пробуждением, добрый государь. Как изволили почивать, милосердный государь?» Его звали, допустим, милорд Такой-то, и он юлил перед милордом Сяким-то в надежде выклянчить у того лошадь. Так ведь тоже могло быть?

ГОРАЦИО. Могло, милорд.

ГАМЛЕТ. Вот. А теперь он подданный госпожи Безносой, валяется без нижней челюсти и позволяет кладбищенскому сторожу колотить себя по башке лопатой. Интересное круговращение, ничего не скажешь. И зачем надо было холить эти кости? Для игры в кегли? Моим костям холодно от такой перспективы.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК (*поет*). Лопатой, заступом, киркой

Поглубже землю рой,

Чтоб гость навек обрел покой

От суеты земной.

(Выбрасывает другой череп.)

ГАМЛЕТ. Еще один череп. Не правоведа ли случай? Куда же он делся — этот пройдоха и крючкотвор, этот софист и ловкий комментатор? Почему он не вопит об оскорблении действием, когда какой-то мужлан колотит его по набалдашнику грязной лопатой? Сто лет назад он, возможно, скупал в неограниченном количестве землю, разбирал бумаги, всякие там акты, расписки, двойные ручательства и возвратные иски. Неужели это иски по искам или закладные по закладам превратили его ладную голову в склад праха? А двойное ручательство помогло ему приобрести всего лишь двойную копию договора о сделке? Все его документы о праве на землю вряд ли здесь разместились бы. А он разве не имел права потребовать большего?

ГОРАЦИО. Ни грана больше, милорд.

ГАМЛЕТ. На пергамент идут бараньи шкуры, Горацио?

ГОРАЦИО. Да, милорд, и телячьи тоже.

ГАМЛЕТ. Только бараны и телки могут дорожить подобной ерундой. Я хочу поговорить с этим землекопом. — Чья это могила, дружище?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Моя, сэр. (*Поет.*)

Чтоб гость навек обрел покой
От суеты земной.

ГАМЛЕТ. Вижу, что твоя, раз ты в ней болтаешься.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Нет, я в ней не болтаюсь, да и вы тоже, и все же она моя, а не ваша.

ГАМЛЕТ. Нет, болтаешься и болтаешь ерунду, если ты торчишь в могиле и говоришь, что она твоя, хотя ты жив-здоров и помирать не собираешься. Стало быть, ты болтун.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Смотрите, сэр, как бы моя болтовня не перескочила к вам. Она не простая.

ГАМЛЕТ. Хорошо. Для какого смертного предназначена твоя могила?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Ни для какого.

ГАМЛЕТ. В таком случае, для какой смертной?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Тоже ни для какой.

ГАМЛЕТ. Что же тогда в нее заруют?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Нечто, сэр: бывшую смертную, которая на днях померла — дай ей Господи вечного блаженства!

ГАМЛЕТ. Какой обстоятельный мошенник! Надо следить за своей речью, иначе свихнешься от двусмысленности. Клянусь Богом, Горацио, в последнее время, по-моему, нравы так изменились, что простолюдин наступает придворному на любимую мозоль и не извиняется. — Давно ли ты в сторожах?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Я стал сторожем в тот самый день, когда Гамлет, покойный наш король, одолел Фортинбраса.

ГАМЛЕТ. Когда же это произошло?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Кто ж этого не знает? Вам любой дурак скажет, что это случилось в день рождения принца Гамлета. Который намерен сошел с ума и уехал в Англию.

ГАМЛЕТ. Надо же! На что она ему сдалась?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Для сумасшедшего там — самое место: авось подлечится. А если нет, — не страшно.

ГАМЛЕТ. Это еще почему?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. В Англии это незаметно: там все, как и он, с ума посходили.

ГАМЛЕТ. Как же он сошел с ума?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Поговаривают, весьма необычно.

ГАМЛЕТ. Как это необычно?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. А так: рехнулся ни с того ни с сего, и все тут.

ГАМЛЕТ. На почве чего?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. На почве Дании, разумеется. Я здесь уже почитай тридцать лет при кладбище, смолоду.

ГАМЛЕТ. Сколько труп пролежит в земле до полного разложения?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Смотри какой труп. Теперешний мертвец еще при жизни бывает таким разложенным, что его еле успевают похоронить. А так, — за восемь-девять лет ручаться можно. Дубильщик и девять с гаком выдержит.

ГАМЛЕТ. Почему он дольше прочих?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Потому, сэр, что у него шкура дубленая, дольше, чем у других не поддается воде. А вода, сэр, сушая беда для этих подлецов-покойников. Полюбуйтесь-ка на этот череп. Он пробыл в могиле двадцать три года.

ГАМЛЕТ. Чей это череп?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да одного придурка, не тем будь помянут, этакий он был подлец! Как по-вашему, чей?

ГАМЛЕТ. Откуда мне знать?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Чума ему в душу, пройдохе безмозглому! Вылил мне как-то за шиворот целую бутылку рейнского! Этот череп, сэр, Йорика, придворного шута.

ГАМЛЕТ. Этот?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Да, этот.

ГАМЛЕТ. Дай-ка его сюда. (*Берет череп.*) М-да! Бедный Йорик! — Я любил его, Горацио! Как превосходно он шутил! Какое у него было богатое воображение! Не знаю, сколько раз я сидел у него на руках и целовал его смеющиеся губы. Меня тошнит — до того теперь противно вспоминать об этом. Эх, Йорик, где теперь твои остроты, гримасы, песенки, твоя искрометная веселость, что не раз вызывала взрывы смеха у пирующих? В состоянии ли ты теперь посмеяться над собственным оскалом? Или над отсутствием нижней челюсти? Вот бы тебе попасть в уборную придворной модницы и растолковать ей, что даже дюймовый слой косметики ей не поможет, — выглядеть она будет точно так же, как и ты. Да она от твоей шутки со смеху помрет! Ответь мне, пожалуйста, Горацио, на один вопрос.

ГОРАЦИО. Спрашивайте, милорд.

ГАМЛЕТ. Как по-твоему, Александр Великий выглядел в гробу точно так же?

ГОРАЦИО. Именно так.

ГАМЛЕТ. И точно так же смердел? Фу! (*Кладет череп.*)

ГОРАЦИО. Точно так же, милорд.

ГАМЛЕТ. До чего же мы доходим, Горацио! Кажется, я представляю, как благородный прах Великого Александра мог бы превратиться в пробку для бочки.

ГОРАЦИО. Подобная постановка вопроса чересчур противостественна, милорд.

ГАМЛЕТ. Наоборот, это предельно тщательное исследование, обусловленное естественным ходом вещей. Скажем так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превратился в прах, прах — в землю, земля — в глину. Разве не могли этой глиной, иными словами, самим Александром, — залепить дыру в пивном бочонке?

Великий Царь, вкушая вечный сон,
Становится замазкой для окон.
Пред кем тряслась вселенная сама,
Тем утепляют на зиму дома.
Но что это? Король и королева.
И свита с ними... Надо отойти.

*Входят СВЯЩЕННИКИ с телом ОФЕЛИИ.
За процессией следуют ЛАЭРТ с ПРОВОЖАЮЩИМИ,
КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА и СВИТА.*

Обряд не соблюдается. Понятно:
Умерший из дворян и безрассудно
От жизни сам себя освободил.
Здесь притаимся и понаблюдаем.

(Отходит в сторону вместе с ГОРАЦИО.)

ЛАЭРТ. И это, говорите, весь обряд?

ГАМЛЕТ. Зачем приехал молодой Лаэрт?

ЛАЭРТ. Я спрашиваю, это весь обряд?

СВЯЩЕННИК. Он уж и так расширен для нее,

Умершей неестественною смертью.

И если бы не воля короля,

Пришлось бы ей в могиле без креста

Архангельского гласа дожидаться.

В знак чистоты усопшей не камня,

На гроб ее бросают, а цветы.

И наконец хороним мы ее

С молитвами, под звон колоколов.

ЛАЭРТ. И больше ничего нельзя?

СВЯЩЕННИК. Нельзя.

Мы кодекс погребальный оскверним,

Когда по ней отслужим панихиду,

Как по ушедшей в Боге.

ЛАЭРТ. Зарывайте!

Пусть плоть ее фиалкам передаст

Всю безупречность красоты своей. —
Моя сестрица будет петь в раю,
Когда ты, поп, в геенне завопишь.
ГАМЛЕТ. Не может быть! Офелия?!
КОРОЛЕВА. Прощай!

(Бросает цветы.)

Чистейшей деве — чистые цветы.
Покойся с миром. Выдать бы тебя
За Гамлета, цветами бы убраться
Супружеское ложе, а не гроб.
ЛАЭРТ. Злодей, из-за которого лишилась
Ты девичьего разума, сестра,
Пусть околеет триста тридцать раз!
Остановитесь! Дай мне напоследок
Тебя к груди, Офелия, прижать!

(Прыгает в могилу.)

Сестру и брата, мертвую с живым
Похороните! И насыпьте холм
Над нашим склепом выше Пелиона
И снежного Олимпа вместе взятых!
ГАМЛЕТ *(выходя)*. Кто здесь столь живописно причитает?
Кто стонет так, что звезды цепенеют,
Слезливой болтовней потрясены?
Его желает видеть датский принц!

(Прыгает в могилу.)

ЛАЭРТ. Чтоб черт тебя!..

(Бросается на него.)

ГАМЛЕТ. Ты молишься чертям?!
Душить меня не стоит! Руки прочь!
Хоть я не зол — но если разозлить...
Прочь руки! Пожалеешь!

КОРОЛЕВА. Гамлет! Гамлет!

КОРОЛЬ. Разнять их!

ВСЕ. Господа!

ГОРАЦИО. Не надо, принц!

*(Придворные их разнимают
и помогают выбраться из могилы.)*

ГАМЛЕТ. Покуда жив, я драться буду с ним!

КОРОЛЕВА. Но почему?

ГАМЛЕТ. Офелия — моя!

Будь у нее хоть сорок тысяч братьев, —

Моя любовь весомее стократ!

Что для сестры ты мог бы совершить?

КОРОЛЬ. Он одержим!

КОРОЛЕВА. Лаэрт, не горячитесь!

ГАМЛЕТ. Нет, пусть ответит, что он мог бы сделать

Во имя светлой памяти сестры?

Ну, что ж ты? Вой! Рыдай! Об стену бейся!

Ешь крокодила! Уксуса хлебни!

И я могу так. Для чего же ныть?

В могилу прыгать? Чтоб меня унизить?

Что ж не ложишься в гроб? А я бы лег.

А этот крик про горы... Для надгробья

В миллионы акров холм я вознесу,

И даже Осса по сравнению с ним

Окажется сморчком. Ты убедился?

Я тоже декламировать могу.

КОРОЛЕВА. Он возбужден. Но это ненадолго.

Он снова станет кротким, как голубка,

Когда у ней под крылышком птенцы

Пушистые уснут.

ГАМЛЕТ. В чем дело, сэр?

С чего вы вдруг напали на меня?

Я, между прочим, вас любил. Хотя...

Пусть Геркулес все жилы надорвет —

Пес будет лаять и мурлыкать кот.

(Уходит.)

КОРОЛЬ. Горацио, сопровождайте принца.

(ГОРАЦИО уходит.)

(ЛАЭРТУ.)

Терпение! Как мы договорились,

Одним ударом все мы разрешим

И памятник твоей сестре поставим.
И осенят нас мир и благодать.
Но надобно немного подождать. —
Гертруда, пусть за принцем последят.

(Уходят.)

Сцена вторая

Зал в замке.

Входят ГАМЛЕТ и ГОРАЦИО.

ГАМЛЕТ. Об этом все. Теперь другое. Помнишь,
С каким я сердцем уезжал?

ГОРАЦИО. О да.

ГАМЛЕТ. Мне было до того не по себе,
Что я не спал: казалось, что постель
Утыкана кинжалами. И вдруг...
О это «вдруг»! Наитие порой
Негаданно-нежданно выручает,
Когда расчет внезапно предает.
Нас, видно, осеняет провиденье,
Шлифуя наши замыслы.

ГОРАЦИО. Наверно.

ГАМЛЕТ. Я встал, оделся, вышел из каюты,
Впотьмах, на ощупь, еле их нашел,
Пакет у спящих выкрал и — назад.
И так как одному среди врагов
Уже не стоит средства выбирать,
Я, наглости набравшись, распечатал
Депешу короля, в которой этот
Подлец пресветлый выражал сомненье
В благополучье бриттов и датчан,
Покуда я — исчадь ада — жив;
И, по прочтенье данного письма,
Велел меня вести на эшафот, —
И чтоб не беспокоить палача
Заточкой топора.

ГОРАЦИО. Не может быть!

ГАМЛЕТ. Письмо со мною, можешь прочитать.

И, знаешь, что я сделал?

ГОРАЦИО. Говорите.

ГАМЛЕТ. Я, паутиной подлости опутан, —

Мой разум без пролога заиграл, —

Мгновенно сочинил другой приказ

И начисто его переписал.

Я раньше по-дворянски называл

Чистописанье сущей чепухой,

Но час пришел, и это ремесло

Мне службу сослужило. Знаешь, что

В моем посланье было?

ГОРАЦИО. Что, милорд?

ГАМЛЕТ. Я так писал от имени монарха:

Поскольку Англичанин платит нам,

Поскольку пальмой наш союз цветет,

Поскольку мы, как зерна в колоске,

Живем в добрососедстве, — словом, весь

Набор трескучих фраз, — необходимо,

Вчитавшись в настоящее письмо,

Без лишних слов, не мешкая казнить

Послов, его привезших, не позволив

Им даже исповедаться в грехах.

ГОРАЦИО. А как вы запечатали бумагу?

ГАМЛЕТ. И в этом было небо за меня.

При мне печать случайно оказалась,

Подаренная некогда отцом.

Я подписал посланье, запечатал,

Как следует свернул и подложил

На место незаметно, как младенца,

Которого волшебник подменил.

И все. Об остальном тебе известно.

ГОРАЦИО. Выходит, Розенкранц и Гильденстерн...

ГАМЛЕТ. Вольно же им выслуживаться было.

Пред ними совесть у меня чиста.

Их погубили собственные плутни.

Попасть меж молотом и наковальней

Рискуют пешки, вмешиваясь в спор

Значительных фигур.

ГОРАЦИО. Ну и короли!

ГАМЛЕТ. По совести скажи: за то, что он

Убил отца и мать вовлек в разврат,

Попрал мои надежды на корону,

Предательски охотился за мной,
Не долг ли это мой — собственноручно
Злодею отплатить? Не проклянет ли
Меня сама природа, если я
Распространенье язвы поущу?

ГОРАЦИО. Но ведь на днях из Англии прибудет
Ответ на королевское письмо.

ГАМЛЕТ. Ты прав. Но время терпит до поры.
При том, что человеческая жизнь
Кончается быстрее, чем скажешь «раз».
Горацио, теперь я сожалею,
Что я с Лаэртом вышел из себя.
Мы по судьбе — два брата-близнеца,
И я бы с ним охотно помирился.
Но от его печали показной
Я чуть не спятил.

ГОРАЦИО. Принц, сюда идут.

Входит ОЗРИК.

ОЗРИК. Я счастлив приветствовать ваше высочество в Дании.

ГАМЛЕТ. Взаимно, сэр. (ГОРАЦИО.) Знаешь ли ты это на-
секомое?

ГОРАЦИО (ГАМЛЕТУ). Нет, мой принц.

ГАМЛЕТ. Тем лучше для тебя, ибо знаться с ним — пре-
ступление. Оно владеет обширными и богатыми поместьями.
А когда у животного имеется живность, оно подъедается возле
короля. Это всего лишь петушок, хотя и крупный, повторяю,
грязевладелец.

ОЗРИК. Милейший принц, позвольте мне, если вы сейчас не
заняты, кое-что сообщить вашему высочеству по поручению его
величества.

ГАМЛЕТ. Душевно рад выслушать вас, сэр. А шляпа должна
быть там, где ей следует находиться, — на голове.

ОЗРИК. Покорнейше благодарю, ваше высочество, — очень
жарко.

ГАМЛЕТ. Напротив, — холодно: ветер-то северный.

ОЗРИК. И то сказать, холодновато, милорд.

ГАМЛЕТ. Хотя мне, при моем телосложении, скорее жарковато.

ОЗРИК. Невыносимо жарко, милорд. Прямо не знаю, как
душно. Но, повинувшись его величеству, милорд, объявляю вам о
его намерении выиграть с помощью вашего высочества крупное
пари. Что же касается сути дела...

ГАМЛЕТ. Все же я бы вас просил... (*Заставляет его надеть шляпу.*)

ОЗРИК. Не извольте беспокоиться, добрейший принц, мне, право, и так хорошо. Так вот, милорд, при дворе незадолго до вас появился молодой Лаэрт. Это, можете мне поверить, джентльмен с головы до ног, наделенный всевозможными добродетелями, изящными манерами и великолепной выправкой. Я не ошибусь, если назову его списком или сводом дворянских качеств, ибо в нем воплощено все, о чем может мечтать джентльмен.

ГАМЛЕТ. Ваша характеристика, сэр, не наносит ему ни малейшего вреда. Мало того, ее детальное изложение исчерпало бы возможности памяти, и к тому же мы, подобно неопытным капитанам, то и дело отклонялись бы с курса. Отдавая должное Лаэрту, я со всей откровенностью признаю его человеком очень высокой пробы, обладающим такими исключительными и невероятными талантами, что, по правде говоря, походить на него или брать с него пример — значит, или быть его отражением, или стать его тенью.

ОЗРИК. Мнение вашего высочества о нем безупречно.

ГАМЛЕТ. На что оно вам, сэр? С какой целью наше небезупречное дыхание окутывает этого джентльмена?

ОЗРИК. Что, милорд?

ГОРАЦИО (ГАМЛЕТУ). Он ничего не понял. Говорите, пожалуйста, попроще.

ГАМЛЕТ. Зачем вы заговорили об этом джентльмене?

ОЗРИК. О ком? О Лаэрте?

ГОРАЦИО (ГАМЛЕТУ). Он разорен: золото красноречия истрачено.

ГАМЛЕТ. О нем, сэр, о нем.

ОЗРИК. Я думаю, вы не можете не знать...

ГАМЛЕТ. Знать бы наверняка, что вы именно так думаете. Хотя, если это и так, — мне тут гордиться нечего. Продолжайте, сэр.

ОЗРИК. Вы не можете не знать о мастерстве Лаэрта...

ГАМЛЕТ. Не берусь ничего утверждать наверное, иначе не избежать сравнения с ним в его мастерстве. Ибо знание чужих достоинств предполагает и осознание своих собственных.

ОЗРИК. Милорд, я имел в виду его фехтовальное мастерство. По слухам, оно приводит в восхищение даже недругов Лаэрта.

ГАМЛЕТ. Чем он фехтует?

ОЗРИК. Рапирой и кинжалом.

ГАМЛЕТ. Рапирой и кинжалом. Понятно. И что с того, сэр?

ОЗРИК. Его величество, сэр, заключил с ним пари и выставил со своей стороны шесть арабских скакунов; на что тот ответил

шестью французскими рапирами и кинжалами, с оснащением в виде перевязей, кистей, цепочек и тому подобного. Упряжи для рапир, я вас уверяю, превосходной работы и хорошо смотрятся вместе с рукоятями.

ГАМЛЕТ. Что такое — эти ваши упряжи?

ГОРАЦИО (ГАМЛЕТУ). Как я и предполагал, вам пришлось обратиться к пояснениям на полях.

ОЗРИК. Упряжи, сэр, — это перевязи.

ГАМЛЕТ. Упряжь хорошо сочеталась бы с пушкой, носи мы ее на боку. А пока это не так, я бы хотел, с вашего разрешения, называть перевязь перевязью. Ну да ладно. Шесть арабских скакунов против шести французских кинжалов и рапир, с оснащением в виде богато отделанных упряжей. Таково арабо-французское пари. А для чего одно выставили, а другим, говоря по-вашему, «ответили»?

ОЗРИК. Король полагает, милорд, что в двенадцати боях превосходство Лаэрта над вами составит не более трех уколов, тогда как тот рассчитывает на девять из двенадцати. Можно попытаться счастья немедленно, если ваше высочество возьмет на себя труд принять решение.

ГАМЛЕТ. А если я приму решение отказаться?

ОЗРИК. То есть, если ваше высочество примет решение принять вызов.

ГАМЛЕТ. Сэр, в это время я всегда отдыхаю в этом зале. Буду искренне рад, если его величество присоединится ко мне. Прикажите подать сюда шпаги и пригласите вышеупомянутого джентльмена, если он не передумал. И если воля короля неизменна, я сделаю все от меня зависящее, чтобы выиграть его пари. В случае проигрыша мне останется только краснеть за полученные уколы.

ОЗРИК. Мне так и доложить его величеству?

ГАМЛЕТ. Сделайте одолжение, сэр, и не забудьте украсить ваш доклад цветистыми оборотами, свойственными вашему вкусу.

ОЗРИК. Почту за честь служить вашему высочеству.

ГАМЛЕТ. Взаимно, взаимно.

(ОЗРИК уходит.)

Он по-своему прав: ни у кого другого язык не повернется почтить его подобной честью.

ГОРАЦИО. Запрыгал чибис — скорлупка на темечке.

ГАМЛЕТ. Он и к материнскому соску припадал, предваритель-но шаркнув ножкой. Таких, как он, наплодил, насколько могу судить, именно наш, впавший в детство, век. Эти господа смешали нынешние умонастроения с вершками образования, чтобы при

посредстве этого шипучего настоя, способного растворить в себе любое суждение, быть на виду у всех. А подуй на них в шутку — лопнут, как пузыри.

Входит ДВОРЯНИН.

ДВОРЯНИН. Милорд, передав вам поклон с юным Озриком, король узнал от последнего о вашем предложении встретиться с ним в этом зале. Король послал меня справиться, готовы ли вы к поединку с Лаэртом или намерены перенести состязание на более поздний срок?

ГАМЛЕТ. Я не меняю своих решений. Они сообразуются с волей короля. Его дело — приказывать, мое — повиноваться. Раньше или позже — все равно, лишь бы у меня было такое же настроение, что и сейчас.

ДВОРЯНИН. Стало быть, я предложу королю, королеве и свите спуститься в зал?

ГАМЛЕТ. Я буду ждать их.

ДВОРЯНИН. Королева советует вам помириться с Лаэртом перед поединком.

ГАМЛЕТ. Мать сына плохому не научит.

(ДВОРЯНИН уходит.)

ГОРАЦИО. Вам не одолеть Лаэрта, милорд.

ГАМЛЕТ. Ты не прав. Пока он был во Франции, я брал уроки. Должен одолеть, а с форой — и подавно. Но если бы ты знал, как болит у меня душа. Но это не важно.

ГОРАЦИО. Еще как важно, милорд!

ГАМЛЕТ. Так, ерунда. Что-то вроде дурных предчувствий, которые так влияют на женщин.

ГОРАЦИО. Надо прислушиваться к своему внутреннему голосу, принц. Скажитесь нездоровым, а их я предупрежу.

ГАМЛЕТ. Не вздумай. Нам ли с тобой верить в приметы. И смерть воробья предопределена. Чему быть, того не миновать. Не сегодня, так завтра; не завтра, так послезавтра. Главное — быть готовым ко всему. Если мы, уходя, ничего не берем с собой, к чему медлить? Быть посему.

*Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЭРТ, СВИТА
и СЛУГИ со шпагами и прочим.*

КОРОЛЬ. Лаэрт и принц, прошу вас, господа,
Подать друг другу руки перед боем.

ГАМЛЕТ. Прошу как дворянина дворянин,
Лаэрт, меня за выходку простить.
Известно всем и вам, наверно, тоже,
Что приступы случаются со мной.
И то, что уязвило вашу честь
И вызвало у вас вражду ко мне,
Безумием моим порождено.
Но разве Гамлет в этом виноват?
Не Гамлет же Лаэрта оскорбил.
Наоборот, безумием своим
Сам Гамлет и обижен. Посему:
Безумье принца Гамлета виновно
В том, что обижен Гамлетом Лаэрт.
Я вас при их величествах прошу
Простить непреднамеренное зло
И не держать за пазухою камня.
Я неудачно выстрелил из лука:
Стрела попала в брата моего.

ЛАЭРТ. Сперва я месть на сердце затаил.
Теперь же я сердечно вас прощаю.
Но в деле чести я неколебим.
Покамест искушенные мужи
Не убедят меня, что примиренье
Моей дворянской чести не вредит,
Я буду непреклонен. А пока
Я вам плачу любовью за любовь
Без задней мысли.

ГАМЛЕТ. И на том спасибо.
Нам остается только поделить
По-братски ставки. — Шпагу мне!

ЛАЭРТ. И мне!

ГАМЛЕТ. Я буду неуклюжестью своею,
Лаэрт, искусство ваше оттенять,
Как ночь луну.

ЛАЭРТ. Извольте смеяться?

ГАМЛЕТ. Клянусь рукой, нисколько не смеюсь.

КОРОЛЬ. Подайте шпаги им. — Кузен мой Гамлет,
Вы в курсе относительно пари.

ГАМЛЕТ. Вы явно просчитались, государь,
Поддерживая слабого.

КОРОЛЬ. Отнюдь.

Я видел вас в бою. Он искушен,
Но фора перевес тебе дает.

ЛАЭРТ. Смените, тяжела.

ГАМЛЕТ.

Мне ту подайте.

Как раз. А по длине?

ОЗРИК.

Равны, милорд.

(Готовятся к бою.)

КОРОЛЬ. Подать вина! Вниманье! Если принц

Уколет первым или же вторым,

Или одержит верх на третий раз,

Из всех орудий Гамлету салют!

А мы за принца выпьем. В этом кубке

Жемчужина, ценнее, чем в венце,

Который осенял монархов датских

Четыре поколения подряд.

Налейте кубки. И пускай литавры

Расскажут трубам, трубы — пушкарям,

Гром пушек — небу, небо — всей земле,

Что за здоровье принца пьет король. —

Приступим. Судьи, в оба наблюдать.

ГАМЛЕТ. Сэр, защищайтесь!

ЛАЭРТ.

Защищайтесь, принц!

(Сражаются.)

ГАМЛЕТ. Укол!

ЛАЭРТ.

Нет, промах!

ГАМЛЕТ.

Судьи, ваше мнение?

ОЗРИК. Укол засчитан.

ЛАЭРТ.

Хорошо. Продолжим.

КОРОЛЬ. Прервитесь! Выпьем, Гамлет, за тебя!

(Трубы и пушечные выстрелы за сценой.)

Налить ему! Жемчужина твоя!

ГАМЛЕТ. Я выпью после. — Будем продолжать.

(Сражаются.)

Укол! Признайтесь!

ЛАЭРТ.

Признаюсь. Укол.

КОРОЛЬ. Наш сын в ударе.

КОРОЛЕВА.

Дышит тяжело.

С его фигурой... Гамлет, подойди.

Тебе я вытру лоб.

ГАМЛЕТ. Как вы добры!

КОРОЛЕВА. Пьет за твою победу королева!

КОРОЛЬ. Не надо пить, Гертруда, подожди

КОРОЛЕВА. Милорд, прошу прощения: очень жарко.

(Пьет.)

КОРОЛЬ (*в сторону*). Вино с отравой! Ей теперь конец!

ГАМЛЕТ. Я выпью позже: вредно мне сейчас.

ЛАЭРТ (КОРОЛЮ). Пора и мне ударить.

КОРОЛЬ (ЛАЭРТУ). Не спеши.

ЛАЭРТ (*в сторону*). Хотя это чести и противоречит...

ГАМЛЕТ. Теперь, Лаэрт, прошу заняться делом:

Атаковать всерьез. Подозреваю,

Вы, как с мальчишкой, возитесь со мной.

ЛАЭРТ. Ах так! Ну ладно!

(Сражаются.)

ОЗРИК.

Оба промахнулись!

ЛАЭРТ. Ну, а теперь!

(ЛАЭРТ ранит ГАМЛЕТА. Затем, в пылу боя они меняются
рапирами, и ГАМЛЕТ ранит ЛАЭРТА.)

КОРОЛЬ.

Они сошли с ума!

Разнять!

ГАМЛЕТ.

Не смейте!

(КОРОЛЕВА падает.)

ОЗРИК.

Дурно королеве!

Эй, кто-нибудь!

ГОРАЦИО.

Да ведь они в крови!

Милорд, что с вами?

ОЗРИК.

Что с тобой, Лаэрт?

ЛАЭРТ. Попал кулик-предатель в западню.

Я угодил в свою же паутину.

ГАМЛЕТ. Что с матушкой?

КОРОЛЬ.

Сознание потеряла

При виде крови.

КОРОЛЕВА. Нет, мой Гамлет, нет!
Вино! Вино! Мне подмешали яд!

(Умирает.)

ГАМЛЕТ. О подлость! Никого не выпускать!
Искать убийцу!

ЛАЭРТ. Гамлет, не трудись.
Убийца пред тобою. Ты погиб.
В тебе осталось жизни — полчаса;
Какое-либо снадобье бессильно.
Клинок, который держишь ты в руке,
Я сам точил и смазывал отравой.
Меня сгубила грязная игра.
Я не жилец. Убита королева.
Все кончено. Король всему виной.

ГАМЛЕТ. Вино и шпага, стало быть, с отравой!
Тогда и мне, отравы, послужи!

(Закалывает КОРОЛЯ.)

ВСЕ. Измена!

КОРОЛЬ. Помогите мне, друзья!
Я жив еще!

ГАМЛЕТ. Убийца, узурпатор,
Кровосмеситель, проклятый король!
Пей! Подавись жемчужиной своей!
За матерью моею отправляйся!

(КОРОЛЬ умирает.)

ЛАЭРТ. Все верно. Зелье сам он составлял.
Тебе прощаю, Гамлет благородный,
В свой смертный час смерть сына и отца,
А ты меня — прости.

(Умирает.)

ГАМЛЕТ. Покойся с миром!
Я догоню. Горацио, прощай!
До скорого свиданья, королева!
А вы, статисты, бледные от страха,
Свидетелей бессмысленных толпа,

Вы все б узнали — если бы я мог
На час у стража смерти отпроситься!
Но мне конец. Горацио, прощай!
Живи, мой друг, и правду обо мне
Неравнодушным людям Расскажи.
ГОРАЦИО. Тому не быть. Не датская природа
Во мне, а древнеримская, милорд.
Не допит кубок.

ГАМЛЕТ. Если ты мне друг, —
Не трогай кубка. Если вдруг исчезнут
Подробности о том, как я погиб,
Налипнет грязь на имени моем.
Хотя бы для меня не покидай
Наш бренный мир, блаженства не ищи,
Покуда не расскажешь всем и вся
Историю мою.

Марш и выстрелы за сценой.

Что это значит?
ОЗРИК. С победою из польского похода
Идя домой, встречает Фортинбрас
Послов английских маршем и стрельбой.
ГАМЛЕТ. Я отхожу, Горацио. Прощай.
Дышать мешает страшная отрава.
Послов английских встретишь без меня.
Уверен, будет избран Фортинбрас.
Ему ты передай, что за него
Свой голос подал Гамлет, умирая,
И Расскажи подробно обо всем.
Теперь — забвеньё...

(Умирает.)

ГОРАЦИО. Спите, милый принц!
Угасла благородная душа.
Да усладит хор ангелов ее.

Марш за сценой.

Кто там идет под барабанный бой?

*Входят ФОРТИНБРАС, АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛЫ с барабанным
боем, знаменами и СВИТОЙ.*

ФОРТИНБРАС. Где это все случилось?

ГОРАЦИО.

Что случилось?

Великое несчастье? Вот оно.

ФОРТИНБРАС. От этих тел исходит крик резни.

Какое, повелительница-смерть,
В твоём загробном замке торжество,
Что на него ты столько приглашений
Кровавых разослала королям?

ПОСОЛ. Да, страшная картина! Слишком поздно

Мы прибыли из Англии сюда.
Ушел из жизни тот, чье повеленье
Исполнено, кому везли мы весть
О смерти Розенкранца с Гильденстерном.
Кто нас за это благодарит?

ГОРАЦИО. Отнюдь не Гамлет, хоть он и воскресни.

Он их не собирался убивать.
Но раз уж вы, солдаты и послы,
Сюда явились в час кровопролитья,
Распорядитесь, чтобы мертвецов
Перенесли на холм для обозренья;
Откуда я хочу поведать вам,
Как было дело. Все должны узнать
О противоестественных делах,
О роковых предательских ударах,
О происках, насильственных смертях,
О веренице недоразумений,
Под занавес сразивших интриганов.
Об этом правду знаю я один.

ФОРТИНБРАС. Охотно вас послушаем, но прежде

Я датской знати должен объявиться
И предъявить на Данию права —
Хоть это в час печали неуместно.

ГОРАЦИО. Есть и на этот счет распоряжение

Того, чей голос многих убедит.
Устроить это надо побыстрей,
Пока не забурлила голытьба,
Не разгорелась новая крамола.

ФОРТИНБРАС. Пусть Гамлета четыре капитана

На возвышение перенесут.
Он умер, как солдат, и всех затмил бы
Военной славой, будь он королем.
Пусть воинские почести и марш
Его в последний путь сопровождают.

Убрать убитых. Видеть нету сил
Тех, кто не в битве голову сложил.
Салют из всех орудий!

Траурный марш.

(Все уходят, унося трупы. Пушечный залп.)

3 октября 1987 — 14 декабря 1990

